

Мирослава Мэй

ЯЙЯ

Мирослава Мэй Эйя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69297508

SelfPub; 2023

Аннотация

Кто-то верит в судьбу, а кто-то считает свои взлеты и падения личным творчеством. Кто-то верит в «богов», а для кого-то есть только один «бог» – он сам. А что, если существует и то, и другое? И между этими двумя силами идет игра, где награда – людские жизни. Это история о том, к каким последствиям приводит человеческая ненависть. История о самопожертвовании и всепрощении. История о том, что даже «смерть» совсем не та, чем кажется и тоже достойна любви.

Мирослава Мэй

Эйя

Глава 1

Природа стремительно увядала, и даже редкие, безоблачные погожие деньки больше не создавали иллюзию лета. Осень на планете Мист была короткой, сменяя летний зной на обжигающий зимний холод в считанные дни. Яркие лучи заходящей за горизонт единственной звезды Амиран, согревающей Мист своим теплом, последний раз осветили верхушки полуголых деревьев древнего, как сама земная твердь, леса и быстро погасли, принося за собой белесый, словно молоко, густой и липкий туман.

«Нужно было вернуться до наступления сумерек», – пожившись от холода, корила себя Айвен, плотнее укутываясь в шерстяной плащ, давно потерявший свой цвет от старости и уже не спасавший ее от влаги и ледяного ветра. Еще на заре девушка отправилась на склон холма за корнем вельса – редким растением, облегчающим предсмертные страдания покидающей бренное тело души. А еще своими «чудодейственными» свойствами оно отпускало душе все прегрешения, и после смерти человек напрямик отправлялся в загробное царство Вечного блаженства. Впрочем, если в первое еще можно было хоть как-то поверить, то второе утверждение было более чем сомнительным. Айвен всегда счита-

ла это сказкой старой Иериель, придуманной ею специально для доверчивых и наивных женщин – дуаг, которые с завидным постоянством заглядывали к ведунье за советом или целебными травами и снадобьями. Что-что, а на выдумки она была мастерица.

Иериель принимали за могущественную волховку, живущую на белом свете уже тысячу лет, и слухи об ее магических способностях распространились далеко за пределы этих мрачных, суровых мест. Но Айвен-то знала, что это не так. Старуха была простой травницей, ведающей немножко больше, чем все остальные, да и вечность – слишком суровое наказание для жизни в Запретных землях.

Вот уже семнадцать лет, как девушка жила со старухой в полуразвалившейся ветхой избушке на опушке Синего леса – тюрьме для отверженных – несчастных изгнанников королевства Дуаг, осмелившихся нарушить Священный Закон Шайях.

Старуха не приходилась Айвен ни бабкой, ни теткой, ни, тем более, матерью. Девушка вообще никогда не знала своих родителей. Семнадцать лет назад Иериель нашла завернутую в грязную тряпку малышку в болотной канаве, многострадальная душа которой уже готовилась покинуть обесиленное детское тельце.

Каждодневная борьба за выживание наложили на нее свой отпечаток – старуха не отличалась добротой. Сострадание и душевная теплота не были ей присущи. Мучения ребенка

могли бы так и остаться без внимания, но Иериель привлекли удивительные глаза ребенка, так не по возрасту мудро и внимательно смотревшие снизу-вверх на ее перепачканное грязью, старое морщинистое лицо, совершенно потерявшее свои человеческие черты. Не только цвет глаз, но и кожи также ввел в ступор старуху и на долгую минуту заставил застыть в немом изумлении. На нее смотрели глаза, так похожие на ее собственные, но при этом совершенно удивительного бирюзового, как цвет морской волны, оттенка. Нежная, как бархат, кожа сияла белизной. Это было свидетельством настолько очевидного, насколько и невероятного факта, что в это невозможно было просто поверить!

«Кто она? Как она здесь оказалась?» – сотни вопросов и мыслей невидимым роем кружили в голове у старухи. Бледный цвет кожи, светлые волосики четко говорили о том, что ребенок не принадлежит к расе дуагов. Темные волосы, смуглая, почти коричневая кожа и неизменно зеленые глаза являлись отличительными чертами этих людей. Догадка пришла сама собой и еще больше поразила старую ведунью. Найти в болоте младенца давно покинувшего эту часть материка племени Аннерии было почти непостижимым для ее разума.

Живущая много лет, Иериель все еще хорошо помнила, что, ввиду малочисленности, каждый ребенок аннерийской расы являлся благословением для семьи и, с момента рождения до достижения им двадцатого цикла, находился под

бдительной охраной своего рода. Не существовало причин для того, чтобы мать и отец, или весь их род в целом, отказались от дитя и бросили его на верную смерть. Более того, даже не имея кровных связей, ни один аннериец не посмел бы оставить дитя, по каким-либо обстоятельствам лишившегося родителей, и в любом случае взял бы на себя заботу о нем. Исключением не стала... и старуха. Кровь откликнулась, напомнив ей о страшной тайне, которую она хранила в себе столько лет, и грозно потребовала взять на себя этот долг.

Раса людей, именуемых себя дуагами, населяла большую часть этой маленькой планеты. Но была еще одна, имя которой уже очень много лет дуагам было запрещено даже произносить вслух. Аннерийцы. Сотни лет королевства Дуаг и Аннерии враждовали между собой. Никто из старожилков по обе стороны уже и не мог вспомнить, что послужило причиной кровавого, затяжного конфликта. Бесконечные войны и грабежи опустошали скудную природу Мист и уносили тысячи жизней, пока, пятьдесят лет назад, наконец, был принят единый для всех Священный Закон Шайях.

Мир был заключен. Но какой ценой? Основопологающим правилом нового свода законов запрещались любые контакты между аннерийцами и дуагами. Нельзя было даже просто смотреть друг на друга. Нарушение Священного Закона для дуагов каралось изгнанием в Запретные земли – болотистый темный лес на самой северной границе королевства, и лишало бедолаг всякой поддержки со стороны соплеменников, а

также права когда-нибудь вернуться домой. В большинстве своем преступники умирали быстро. Мало кто мог приспособиться к новой для них жизни в месте, где за каждым поворотом тебя поджидает смерть. Иериель прочувствовала это на себе. Когда-то она тоже посмела послушаться, по велению сердца сделав «неправильный» выбор. Много лет назад. За что и жестоко расплачивалась до сих пор.

Старуха назвала малышку Айвен, что в переводе с аннерийского означает «загадка». Ведунья не питала надежд и была готова к тому, что ребенок не выживет, когда дрожащими, крючковатыми пальцами аккуратно закутывала мокрый, испачканный в болотной тине, комочек в свои рваные лохмотья. Но, девочка, будто цепляясь крохотными ручонками за невидимую нить своей судьбы, выжила, быстро окрепла и росла, практически, не досаждая старухе плачем и капризами. К семнадцати годам никто не усомнился бы в расовой принадлежности девушки, так как время превратило ее в истинную, удивительной красоты, аннерийку. Только вот... глазки так и остались того же странного бирюзового цвета, а не изменились в льдисто-голубой, как у всех представителей Аннерии. Невысокого роста, хрупкая, с длинными волосами цвета расплавленного золота и большими миндалевидными глазами на круглом белоснежном личике – она так походила на ту девушку, которой когда-то давно была сама Иериель. Всегда, глядя на нее, предательская память возвращала старуху в родную Аннерию, в пахнущий изумительными свежее-

выпеченными булочками милый дом, где мама каждое утро бережно расчесывала и заплетала ее длинные золотистые волосы в косы, ласково называя своим сердечком. Айвен стала для нее настоящим подарком судьбы, отдушиной, раскрасившей ее серое и жалкое существование яркими красками.

С каждым годом красота девушки распускалась, как редкий цветок ирбиса, озаряя своим сине-зеленым сиянием темные, лесные лощины, но оценить ее по достоинству могли лишь дикие звери, да старый дуаг Тронвилль – товарищ Иериель по несчастью и живший по ту сторону холма. Новых изгнанников в этих местах не было очень давно. Закон был строг. Видимо, из дуагов больше никто не горел желанием умереть от голода или холода, сгинуть в болотах или быть растерзанным хищниками по неосторожности.

Женщины – дуаги, по большой нужде заходившие к старой знахарке, не подозревали об Айвен. Едва приметив незваных гостей, старуха непременно, под тем или иным предлогом, выпроваживала девушку из дома. Сама же Иериель давно превратилась в существо странного вида, смутно напоминающее человеческую особь женского пола. Ей опасаться было уже нечего. Никто и никогда в жизни не признал бы в ней сейчас чистокровную аннерийку. Очень много лет прожила она на этом свете. Время, как будто насмехаясь, было к ней особенно беспощадно.

Особенный день был и сегодня. Едва забрезжил рассвет, как желторотые птички-крикуньи велейки, разбужен-

ные чьим-то посторонним присутствием, стали взволнованно перекликаться в густом перелеске, передавая всему Синему лесу тревожную весть, что в доме чужак. Наспех накинув на худенькие плечики Айвен старый плащ и сунув в руки пустую плетеную корзинку с горбушкой черствого хлеба из овсяной муки, Иериель отправила ее за велесом и строго-настрого запретила возвращаться в хижину до заката.

В последний раз окинув грустным взглядом быстро темнеющее небо, девушка поспешила со склона холма к ручью, мелкой змейкой изгибающемуся на самой границе лесной чащи. В животе жалобно урчало, напоминая Айвен, что она ничего не ела с самого обеда.

«Успею собрать немного ягод овьедо до темноты? А может, повезет поймать большущую рыбу? Вот Иериель обрадуется!» – думала Айвен, широко улыбаясь и бодро шагая к ручью. – «Ну, если не рыба, то уж овьедо у нас на ужин будет непременно!»

Как-будто прочитав мысли девушки, ветер усилился и, подгоняя ее в спину, заставил ускорить шаг, попутно обрывая последние желтые листья с высоких деревьев и оставляя сиротливо трепетать голые ветви.

Глава 2

Данталиан Вейн Руасу, первый принц Дуаг, тихо злился.

Кстати, как и всегда на занятиях по мирозданию достопо-
чтенного магистра Ангра. Монотонная речь придворного ве-
да выводила его эмоции из равновесия. Но, не бесконечные
выговоры отца или угроза наказания розгами все еще застав-
ляли юношу сидеть за этой дурацкой детской партой, а слезы
матери, – королевы Мойры, которые, он знал, она обязатель-
но пустит вход, убеждая его исправиться. Он вдруг вспом-
нил излюбленное ее выражение: «Подумай о своем поведе-
нии, попроси у богини Сайи прощения и встань на путь истин-
ный, сынок». Юноша подавил нервный смешок. Вот эти
слезы, вперемешку с наставлениями, раздражали наследного
принца больше всего. А будучи раздраженным, он подолгу
не мог собрать воедино разум и сознание.

Стоит признать, что учеба никогда не давалась Дантали-
ану легко. Два цикла назад, когда, наконец, он с горем по-
полам осилил последний год обучения, Сайя действительно
получила от него хвалебную речь в свою честь. Да что
там учеба! Плести интриги и мелко пакостить придворному
окружению он с малых лет научился мастерски, чем очень
гордился. Не это ли его призвание? Чего только стоит выра-
жение злобной ярости на лице его брата Галариана, второ-
го наследного принца Дуаг, когда вчера он все-таки догадал-
ся, кто стоит за пропажей его любимицы – кошурки Лийны.
Ради таких веселых моментов и стоит жить. Всегда притор-
но вежливый, спокойный и улыбчивый, Галариан был просто
вне себя от гнева.

«Это было мило», – довольно ухмыльнулся Данте, вспомнив последнюю свою выходку. – «Как же легко пустить рябь разрушающих эмоций по незрелой душе такой мелочью! Подумаешь, запер мерзкое животное в псарне на несколько дней. И что? Лийна провела время с пользой – обновила, так сказать, волосяной покров. Стоило поднимать столько шума?»

А вот наказание, как он искренне считал, было несоразмерным его маленькой проказе. Галариан постарался в отместку. Лучше бы его заставили чистить навоз в ландиных стойлах в качестве расплаты, чем в сотый раз мучительно слушать эти бредни!

– Данталиан Вейн Руасу! – громкий окрик заставил выйти принца из таких сладких для него воспоминаний.

«Что опять!?!..», – недовольно прошипел про себя Данте, но все же поднял на веда карие глаза.

– Что я только что сейчас сказал? – все тем же монотонно-противным голосом задал вопрос магистр Ангр.

– А что вы только что сейчас сказали, достопочтенный вед? – лучезарно улыбнулся ему в ответ принц.

Лишить душевного равновесия достопочтенного магистра Ангра было сложнее, чем всех остальных дворцовых вед вместе взятых. По мнению Данталиана, старый вед обладал прескверным характером, и юноша прекрасно знал, что всплеска недовольства и уж тем более наказания за невнимательность, сейчас не последует. Ангр будет мучить его до

победного конца.

– Данталиан, снова витаешь в облаках? Я сказал, что планета Мист является девятой по счету от своей звезды и совершает свой полный оборот вокруг нее за четыреста суток. Раз в одну тысячу лет Мист сближается со своим близнецом – планетой Астерис. В результате соединения двух космических энергий в этих мирах рождаются новые души. Как мириады маленьких светлячков, они на короткое время заполняют все видимое небесное пространство, а затем медленно разлетаются, чтобы начать свой долгий путь по просторам безграничной Вселенной. Познать сущность Бытия – вот их конечная цель! – как-то уж слишком торжественно закончил свою речь Ангр, и которую Данте слышал, кажется, бесчисленное количество раз.

– Достопочтенный магистр Ангр, не считите за дерзость, но я нахожу ваш предмет полнейшей чушью, – мягким, снисходительным голосом произнес Данте. – И я никогда, слышите, никогда не устану вам это повторять.

Ангр поджал толстые губы и неодобрительно покачал седовласой головой, а принц, манерно выдохнув, откинулся на жесткую спинку стула и закинул руки за голову, скрестив кисти на затылке.

– Ваш урок по мирозданию закончился ровно одну секунду назад, – снова произнес юноша теперь уже с наигранной озабоченностью. – Кто я такой, чтобы задерживать вас более? Нет, я не имею права быть настолько жестоким! Прошу!

Идите!

Встав со стула, Данте резким движением откинул назад густые каштановые волосы до плеч и медленно подошел к окну, тем самым указывая старому веду на дверь. К его нагловатому поведению Ангр давно привык и вряд ли обидится. Скорее, снова молчаливо его пожалеет. Так оно и случилось. Не прошло и минуты, как вед, не говоря ни слова и, тяжело шаркая ногами, удалился восвояси.

Открыв настежь ставни, Данталиан позволил холодному воздуху проникнуть в маленькую комнату самой высокой башни, расположенной в западном крыле родового замка Вейн Руасу – главной резиденции королевской династии Ду-аг. Цитадель из голубого гранита представляла собой поистине величественное строение. Многочисленные остроконечные башенки, венчающие его, устремлялись высоко вверх, прорезая своими пиками границы облаков. Построенный почти на отвесной скале, с одной стороны его простиралась плодородная долина, с другой же зиял глубокий обрыв, и Данте был почти уверен, что там, внизу, не росла даже травинка. Большую часть времени ущелье покрывал густой, серый туман. Высота скалистого отвеса была настолько огромной, что различить с этого места невооруженным глазом рельеф каменистого подножия даже в солнечные дни не представлялось возможным.

Подняв смуглое, худощавое лицо навстречу заходящим лучам, Данте, как всегда, увидел на горизонте догорающие

в пурпурном закате розовые руины замка прежних королей Аннерии. Главный город этого проклятого и заброшенного королевства – Велидия – располагался в непосредственной близости от столицы Дуаг – Санры, и это говорило о том, что было когда-то время, в котором два народа жили в мире и согласии друг с другом. Но, неизвестно какими причинами вызванная вражда, положила этому конец на века. И вот, пятьдесят лет назад, аннерийцы признали поражение, и в один прекрасный день покинули эти земли навсегда, отдав все свое королевство на милость победителя. С тех пор никто из дуагов не видел в здешних местах ни одного представителя Аннерии. Куда они ушли и где обосновались? А может, их и вовсе больше нет? Этого не знал даже его отец – король Вейн Руасу.

Из книг юноша знал, что это абсолютно беспринципный, коварный народец, не гнушающийся ничем ради достижения своих подлых целей. Белокожие и светловолосые, с глазами цвета голубого льда и правильными чертами лица, они привлекали от природы наивных дуагов сладкими обманчивыми речами. Одурманивая невероятной красотой, быстро превращали своих прошлых соседей в покорных рабов, идущих на все, ради любви своего господина, и до такой степени, что готовы были отдать ему самое ценное, что имели в жизни, – душу.

Бросив последний взгляд вниз, на ущелье, Данте с грустью подумал, что расстаться с душой ради любви ему совершен-

но не грозит. Ни одна девушка – дуага, или же будь-то пресловутая, призрачная аннерийка, по иронии судьбы никогда не познают его любви.

С этими тяжелыми мыслями он закрыл ставни. Холодало. Мистерийская зима, стремительно приближаясь, совсем скоро запечатает реки и усыпит природу на шесть долгих месяцев.

– Что ж, пора повидать дорогое семейство, – тихо произнес себе под нос юноша, поправил идеально выглаженные накрахмаленные манжеты на рукавах батистовой рубашки и застегнул темно-бордовый казинетовый сюртук на все четыре серебряные пуговицы. Натянув на лицо проказливую мальчишескую улыбку, Данталиан пружинистой походкой быстро покинул учебный класс и направился в малый зал замка.

Глава 3

Галариан Вейн Руасу, второй принц Дуаг, закинув ногу на ногу, сидел напротив своей матери – королевы Мойры, из вежливости проявляя притворный интерес к ее беседе с наперсницей, леди Орейей Митах Крист, о красоте привезенных из-за моря Спокойствия и только что доставленных ко двору глийских тканях. Как и брату, в двенадцатый день летнего месяца лъез, ему минуло семнадцать лет, но, пожалуй, только возраст объединял двух таких разных и смутно похо-

жих друг на друга близнецов.

Галариан и Данталиан были единственными детьми леди Мойры – наместницы и хранительницы Варны, тринадцатого и последнего княжества, объединенного с землями прежних соседей, земель Дуаг и Вейна Руасу – единоличного правителя всего королевства. С первого взгляда тем, кто не был знаком с родовым древом семьи Руасу, и в голову не могло прийти, что эти два парня могут быть связаны узами кровного родства.

Данте родился на двадцать минут раньше брата и по праву наследия являлся первым претендентом на королевский трон. Имеющий ничем не примечательную внешность по меркам красоты: глубоко посаженные карие глаза на худощавом квадратном лице, прямой узкий нос и чувственные губы, – обычно он не выражал никаких эмоций, кроме презрения или скучающего безразличия. С детства отличался отворотительным и заносчивым характером. Все его развлечения сводились к одному: как бы напакостить кому-то, в особенности брату. Причем «безобидные» шутки, как он сам их называл, Данте проворачивал виртуозно и перед няньками, а потом – родителями, почти всегда выходя сухим из воды, что так обижало младшего брата.

Галариан был полной его противоположностью. Высокий юноша, с иссиня-черными волосами и живыми зелеными глазами, всегда производил чарующее впечатление на окружающих. Легкий характер, природное обаяние и доброта

вкупе с безукоризненными манерами делали его душой любой компании, самым желанным гостем в домах благородных семей Санры, да и всех близлежащих поселений, где имелись девушки на выданье, и не только. Ровесники мечтали водить с ним дружбу.

Тяжелая деревянная дверь в малый зал с резким, скрипучим звуком отворилась, заставив присутствующих вздрогнуть и посмотреть на незваного гостя. Оборвав на полуслове разговор с леди Орейей, королева Мойра величаво привстала с обитой голубым бархатом софы и широко улыбнулась своему первому сыну, протягивая руку и приглашая его присоединиться к их обществу.

Еще питая неприязнь к брату из-за последнего инцидента со своим питомцем, Галариан все же мысленно поблагодарил его за то, что тот пришел и избавил от необходимости участвовать в обсуждении «голого» платья леди Грейи на прошлом приеме в честь дня окончания сбора урожая. Но не подал этому вида. Будто не обращая на него совершенно никакого внимания, он сосредоточенно рассматривал свои ухоженные, длинные, смуглые пальцы с аккуратно подстриженными на них ногтями. Впрочем, Данте сделал то же самое, лишь коротко кивнув матери и леди Орейе в знак приветствия и бесцеремонно плюхнувшись в свободное кресло.

– Как прошел твой день, сынок? – мягко обратилась леди Мойра к сыну.

– Прекрасно, мама, – ответил Данте, подарив ей свою са-

мую подкупающую улыбку, на которую был способен. Но тут же с легкой грустью в голосе добавил:

– Но мне совсем нечем вас удивить, – намекая на то, что сегодня скучный уклад замка им потревожен не был, и городским сплетникам не о чем будет почесать свои длинные языки на досуге.

– Я с самого утра усердно заучивал основы мироздания с досточтимым вedom Ангром в классной комнате. И все думал, думал и думал. . . , – юноша в спешке пытался придумать, окончание фразы, сдерживая мстительную ухмылку.

– Что я больше так не буду себя вести! Я очень долго думал и понял, что думать полезно! – насилу нашелся, что сказать, Данте.

Сделав вид, что не заметила в его словах язвительной иронии, леди Мойра довольно поджала нижнюю губу и заговорщицки перевела взгляд зеленых глаз на леди Орейю. Та же, как будто одобрительно давая свое согласие на что-то, несколько раз моргнула и взяла в руки шитье.

– Дорогая, – мягко обратилась королева к леди Орейе, – я знаю, что ваш брат, сир Гватем Крист, вчера прибыл в столицу. Какие новости он привез из земель чудесной Глии? Правду ли говорят, что его дочь, юная Фрейя, стала настоящей красавицей?

– Так и есть, моя королева, – довольно ответила леди Орейя. – Фрейя расцвела за прошедшее лето. Скажу без преувеличения, – ее красота затмевает Амиран в самый яркий

летний день.

– Так почему бы нам не пригласить ее ко двору?! – негромко воскликнула леди Мойра и тут же многозначительно добавила:

– Уверена, что Данталиан будет очень рад познакомиться с такой удивительной девушкой.

В первый день весны состоится традиционный праздник по случаю Возрождения жизни, и мы хотели бы видеть вашу племянницу на нем. Более того, пусть приезжает пораньше. Может быть, Фрейя сможет заставить моего старшего сына выйти из пеленок? – королева укоризненно посмотрела на юношу.

– Уверена, Фрейя сочтет это за честь, – польщенно ответила леди Орейя. – Я передам семье Гватем Крист ваше приглашение.

Данте удивился. Конечно, как и любой юноша его возраста, он не чурался общества красивых леди. Но, до сих пор его мать не приглашала в королевский замок юных девиц. Тревожные подозрения овладели его разумом. Тут явно что-то затевалось, и это что-то уже совсем ему не нравилось.

В присущей ему дерзкой манере он воскликнул:

– Мама, до праздника Возрождения жизни еще шесть месяцев! Возможно, леди Фрейя подурнеет к тому времени! А я весьма разборчив в женской красоте. Не слишком ли ты торопишь события?

На мгновение опешив от такой дерзости сына, леди Мой-

ра ответила:

– К следующему лету ты станешь уже достаточно взрослым, и мы, посоветовавшись с отцом, приняли решение о поиске достойной тебя спутницы.

Последнее слово королева произнесла с придыханием и растянулась в кокетливой улыбке.

– Но мне всего семнадцать! – еле сдерживая праведный гнев, бросил Данте. – Я – еще ребенок!

– Это окончательное решение, сын. Недоразумение исправимо. Пора взрослеть, – безапелляционно отрезала мать, в мгновение ока сменив милость на гнев и всем своим видом показывая, что его аргументы будут лишь пустым сотрясанием воздуха. Все уже решено.

Прямо сейчас леди Мойра поставила своего старшего сына перед фактом – не пройдет и года, как его женят.

Все это время, не принимавший участия в занимательном разговоре Галариан, заметив на лице брата нескрываемое гневливое раздражение, сочувственно скривил губы. Он и не догадывался до сих пор, какие планы вынашивала мать. По праву первородства Данталиан должен первым скрепить связь с душой женского сосуда. Но в его случае это произойдет без любви и будет означать полнейшую зависимость. Сознание брата будет полностью управляемо душой чужого человека, которую он никогда не сможет полюбить.

Дуаги верили, что души – дети великой богини Сайи – матери всего Сущего. В момент рождения ребенка душа при-

ходит в мир Праха, проникая в разум младенца и заполняя собой его сознание, позволяет ему обрести цель и смысл существования. В телесном сосуде душа взрослеет и набирается опыта, проходит через калейдоскоп событий по своему жизненному пути и в конечном итоге покидает человека со смертью, переходя на новый уровень своего развития. Дуаги считали незримые души даром, благословением великой богини Сайи. Только вот... телесный сосуд Данте был пуст.

На протяжении семнадцати лет, каждый месяц в ночь полных лун королева-мать неизменно проводила обряд жертвоприношения, призывая Сайю подарить душу Данте и наполнить его жизнь смыслом. Каждое утро после этого она всматривалась в глаза сына, в надежде увидеть там зеленые проблески, свидетельствующие о наличии бессмертной души. Но его глаза упорно оставались карими. Море слез выплакала она, снова и снова повторяя древние, как человеческий мир, молитвы. Но великая богиня как-будто не слышала ее.

Так, окончательно не смирившись с тем, что глаза сына никогда не загорятся зеленым огнем, королева-мать, с детства окружавшая мальчика чрезмерной опекой, приняла решение, которое, по ее мнению, было способно наполнить сердце Данте любовью и вернуть ему «потерянную» душу. То ли кто-то подсказал Мойре, то ли она сама придумала и поверила в то, что, обручившись с ее сыном в день, когда природа сбрасывает с себя ледяные оковы зимы, душа девушки исправит эту жестокую несправедливость. Самое

страшное было в том, что мать смогла убедить в этом отца. В данном случае, юноше оставалось лишь одно – принять неизбежное.

Поняв, что спорить с матерью бесполезно, Данте безжизненным голосом произнес:

– Как пожелаете, ваше величество.

Он спешно поднялся со своего места и, не попрощавшись с присутствующими, быстрым шагом направился во внутренний двор замка. Обуздать гнев на родителей, примеривших на себя роль вершителей его судьбы, ему всегда помогал свежий, прохладный воздух.

«Прогуляюсь», – решил юноша и, накинув поверх сюртука дорожный плащ из домотканой шерсти, пешком направился в город.

– Брат! Подожди! – окликнул его Галариан, догоняя у главных ворот. – Куда ты направляешься?

– Подышать ароматным запахом сточных канав. Мне это сейчас жизненно необходимо! – в ответ огрызнулся Данте.

– Мне тоже, – устало сказал Галариан, перебирая в голове варианты, как же усмирить гнев брата и хоть немного поднять ему настроение.

Оба юноши, молча, направились по широкой, мощенной каменной брусчаткой дороге, прочь от крепостных стен, туда, где с приходом темноты начиналась беззаботная жизнь, полная пьяного веселья и сладострастия.

Глава 4

Шум городских улочек Санры не угасал даже с приходом ночи. Кое-где еще попадались благочестивые прохожие, спешившие по домам к своим семьям. Но, совсем скоро фонари осветят своим красным светом темную сторону жизни города и примут в свои объятия всех желающих.

Данте спускался в город нечасто. Ему, выросшему в роскоши и никогда не знавшему нужды, до омерзения были противны узкие лабиринты с обшарпанными стенами домов и бесконечными лужами нечистот под ногами. И эти, толпами снующие полуголые девицы, готовые продать свое тело любому проходимцу за половину медяка! Тошнотворное зрелище!

Ему вспомнилось, как однажды, несколько месяцев назад, он, ведомый скукой, также спустился в город. У порога какой-то дешевой харчевни на глаза ему попала девочка, с виду совсем еще ребенок, не более восьми лет отроду. Ее тоненькая ручка тянулась вверх каждый раз, едва рядом появлялся какой-нибудь, идущий по своим делам, человек. Грязные, набитые паразитами темные волосы спутанными прядями свисали до плеч, закрывая почти все смуглое личико, и его черты невозможно было рассмотреть. Жалкие отрешья, отдаленно напоминающие тунику, едва прикрывали худенькие, в мелких царапинах синюшные ножки. На них не было даже башмаков. Ребенок явно рос в крайней нужде, переби-

ваясь, в лучшем случае, объедками с чужого стола.

Поддавшись, Сайя знает, откуда налетевшему порыву жалости, юноша положил в протянутую к нему ладонь одну золотую монету. В тот момент он, кажется, впервые за всю свою жизнь был искренне рад, что смог помочь той, кому не повезло родиться с золотой ложкой во рту. На следующий день Данте вернулся на то самое место, не сомневаясь, что не увидит ее снова. Но юноша ошибся. Девчущка снова просила милостыню.

«Значит, неслыханной щедрости отпрыска королевских кровей тебе было недостаточно, чтобы перестать попрошайничать?» – с негодованием подумал он. – «Да служанки в замке получают такую же сумму за месяц работы!»

Данте стало любопытно: кто или что заставляет ее делать это вновь? Во второй раз он подал ей уже две золотые монеты. Затем каждый день увеличивал подать на одну монету. И все ждал, когда же девчонка перестанет попрошайничать, ведь на ту внушительную сумму золота, которую он тайком перетаскал для нее из отцовской казны, она могла бы скромно жить в добротном домике с кучей прислуги где-нибудь в самом центре Санры, обеспечивая всем необходимым всю свою семью минимум полвека. И уж тем более не выпрашивать сейчас жалкие гроши у сердобольных горожан на кусок хлеба! Почти месяц юноша неизменно встречал девчонку около ступеней того же грязного, обшарканного порога, у которого увидел ее впервые. Она, как верный пёс, не пропу-

стила ни одного дня. В конце концов, Данте не выдержал и прямо спросил у нищенки, почему она продолжает просить милостыню, ведь он обеспечил ей сытую жизнь на годы вперед? Ее ответ обескуражил юношу. Она сказала, что часть денег отдает хозяину забегаловки за кусок хлеба и миску супа из стеблей аниса для себя и своей больной матери. Оставшиеся же монеты раздает таким же нищим детям, как и она, позволив прожить еще один день и не умереть от голода.

– Но почему? – искренне недоумевал Данте. – Я подарил тебе возможность прожить жизнь не задумываясь о том, что ты будешь есть завтра. Я не понимаю причин твоего поступка!

Пристально посмотрев на принца своими зелеными глазами, девочка тихо ответила:

– Так велит мне сердце.

У него тоже было сердце, и оно прекрасно поняло, о чем хотела сказать ему эта маленькая побирושка. Каждый день она спасала десятки жизней, а он – принц, не мог спасти даже себя. Боль от этого осознания теперь постоянно саднила в груди. Больше Данталиан никогда не приходил к порогу той харчевни.

Два брата молча бродили по ночным лабиринтам Санры, и каждый думал о своем. Первым прервал тягостное молчание Данталиан.

– Ответь мне, Гал, будь ты первым по старшинству, то послушал бы отца с матерью? Связал бы свою душу с девуш-

кой, которую для тебя выбрали? Принял ее дар, если бы твое сердце велело тебе поступить иначе?

Вопрос озадачил Галариана всего на секунду.

– Мой долг связать себя с дочерью одного из подходящих мне по статусу домов королевства, Данте. Как и твой. Это предрешенная судьба. Мы не вправе ее изменить.

– Разве, брат? Кто решил, что я не могу выбирать по велению сердца?

– Ты переживаешь, что у леди Фрейи редкие волосы и косые глаза? – попытался пошутить Галариан. – Я мельком видел ее две зимы назад, будучи на охоте вместе с отцом в провинции Глия. Премиленькая особа, скажу я тебе. Она...

Юноша уже было открыл рот, чтобы расписать прелести леди Фрейи во всей красе, но хмурый взгляд брата заставил замолчать его на полуслове.

– Она никогда не будет со мной счастлива. Все, что я могу для нее сделать – это через пару лет оставить вдовой.

– Не говори так! Вдруг мама окажется права, Данте? Вдруг в праздник Возрождения жизни Сайя благословит и тебя?

– Я не верю в эту чепуху.

– Ты богохульствуешь?!

– Нет. Но я уверен, что ни одна девушка не сможет сделать для меня то, что задумала мать. И ты тоже об этом знаешь, – тихо прошептал Данте.

Галу нечего было на это возразить. Он и сам с трудом верил матери.

Спустя некоторое время, Данте снова спросил его:

– Что ты слышал о Запретных землях, Гал?

– Я знаю не больше твоего, – хмыкнул юноша. – А почему ты спрашиваешь?

Галариан ухватил брата за плечо и медленно развернул к себе.

– Ты думал о том, о чем думаю сейчас я?!

– Ты читаешь меня, как раскрытую книгу, – улыбнулся Данте.

– Нет!.. – тихо воскликнул Гал.

– Да... – также тихо не согласился с ним тот.

– Ты не в себе! Там доживают свои последние зимы дуаги, нарушившие Священный Закон Шайях. Они прокляты и наказаны за связь с аннерийцами и не смеют возвращаться в родные земли. Никто не рискнет даже заговорить с ними!

– Но, может быть, кто-то из них знает, как мне помочь? Они обменивались душами...

– Да ты просто свихнулся, брат! – неверящим голосом перебил второй принц. – Начитался сказок перед сном? Здесь никто уже достоверно не помнит, что они в действительности делали со своими душами. Может, и вовсе ничего.

Данте понизил голос до шепота:

– В библиотеке магистра Ангра я нашел весьма интересный манускрипт. В нем было написано, что только с аннерийской душой дуаг составляет гармоничное целое...

– Все, хватит! То, о чем ты говоришь – безумие! Я не могу

это больше слышать! Прошу тебя, одумайся. Мы привыкли к твоим выходкам. Отец с матерью спускают тебе с рук почти все, но это уже слишком! Мало того, что твоя затея не сулит ничего хорошего, так она еще и смертельно опасна!

– Так ты поможешь мне? – как ни в чем не бывало, будничным тоном спросил Данте. – Обещаю, это будет самым незабываемым впечатлением во всей твоей жизни.

Галариана обуревали противоречивые чувства. На одной чаше весов находились любовь к брату и искреннее желание помочь ему вернуть «потерявшуюся» душу, а на другой – боязнь за его жизнь и тяжелый проступок, который уже никто не сравнит с безобидной детской шалостью. Сделать выбор оказалось труднее, чем он думал.

Понимая, что ответа он не дожидается, Данте обиженно произнес:

– Что ж, уверен, я справлюсь и без твоей помощи. Только прошу сохранить это втайне.

Данте специально сделал ударение на последнее слово и выразительно посмотрел на брата.

– А то тебя ненароком посчитают сообщником преступления.

Галариану был знаком этот взгляд. Если первый принц задумал что-то, то непременно доведет до конца. И думать о последствиях он будет потом, если вообще он когда-нибудь задумывался о них раньше.

Больше они не разговаривали. До ворот замка добрались

уже за полночь. Каждый был поглощен своими тяжелыми думами.

Глава 5

Запретные земли представляли собой непроходимые болотные топи с редкими островками твердой поверхности, постепенно переходящей в темный лес, настолько густой, что в самый яркий день сквозь кроны деревьев не пробивались лучи теплого Амираана. Кое-где пейзаж разбавляли невысокие скалистые холмы, на вершины которых так любила взбираться Айвен. Там, вглядываясь далеко в бесконечный горизонт, девушка предавалась мечтаниям о том, как когда-нибудь они вместе с Иериель покинут это место и отправятся навстречу новому, так манящему ее, неизведанному миру.

Айвен никогда не страшил Синий лес. Она знала его вдоль и поперек. С детства девушка обожала бродить в его лесных сумерках, подкармливая редких маленьких обитателей тем, что успела стащить из, и без того скромных, запасов старухи. Айвен собирала травы, а ее кормилица варила целебные отвары и обменивала их на еду, одежду или мелкие предметы обихода у женщин – дуаг. Отчаяние и страх за жизнь близких людей гнали их к порогу ведуньи с приличной регулярностью. И даже Единый Закон Шайях не останавливал.

В последнее время Иериель редко бывала в хорошем рас-

положении духа. Чаще молчала. Тихо грустила о чем-то, пребывая в глубокой задумчивости. Редкие ненавязчивые попытки Айвен разговорить ее не приносили результата. Но, когда тревога отступала, старуха рассказывала ей необыкновенные истории о прекрасной и вечно цветущей благодатной земле, где никогда не бывает снега. Там, в теплых, ласковых водах полно рыбы, а в густых, зеленых лесах табунами бродит дичь. Люди живут, радуясь каждому дню, не зная бед и лишений. Их настоящий дом. Иериель и Айвен. В такие моменты по-детски наивное сердечко замирало от восторга, представляя удивительно сказочную страну, райский сад, где ее давно заждались и уже приготовили большущий кусочек счастья, дом, где ее, Айвен, все непременно полюбят.

Однажды девушка осмелилась спросить кормилицу, почему они не могут отправиться домой прямо сейчас? Простой вопрос так сильно расстроил Иериель, что она горько проплакала всю ночь, так и не дав ответа. А утром хриплым страдальческим голосом клятвенно пообещала, что они вместе обязательно вернутся в родную Аннерию, когда придет «время». И она, Иериель, сделает для этого все возможное и невозможное. Доверчивая Айвен поверила и теперь нетерпеливо ждала, когда же, наконец, придет это самое «время».

Разве могла старуха, взглядываясь в бирюзовые глазки, открыть девушке правду? Нет. В Аннерии отступницу больше никто не ждал. Когда-то, очень давно, она не смогла противостоять велению сердца и пошла против семьи ради чело-

века, которого запрещено было любить. Не послушав ни отца, ни мать, она, ослепленная любовью, с высоко поднятой головой гордо последовала за тем, кто в итоге... предал ее. Страх быть отвергнутым своим народом убил в нем нежные чувства, и любовь супруга растворилась в воздухе, едва пара добралась до королевства Дуаг. Брошенная и опозоренная, Иериель могла бы вернуться в родной дом. Его двери для нее, и таких же, как она, всегда были открыты, но пресловутая гордость не позволила ей сделать это. Ведь в глубине ее голубых глаз, несмываемым никакими слезами позором, налились зеленым цветом бутоны чуждой для аннерийцев природы, которые впоследствии так и остались пустой завязью.

Много месяцев скиталась она по окраинам враждебного королевства, прячась от людей, пока не добрела до его холодных северных границ, где доживали свой век изгнанные за такое же преступление дуаги.

Соорудив на опушке шаткую лачугу, ей ничего не оставалось, как назвать Синий лес новым домом. Девушка, а затем и женщина, жила почти в одиночестве. Питалась съедобными кореньями, собирала и сушила лекарственные травы. Из людей – дуагов ее не боялся только странного, полудикого вида мужичок Тронвилль, заходящий к ней изредка, чтобы проведать и выпить целебного отвара для здоровья. Он болтал без умолку, рассказывая смешные небылицы, и хоть как-то скрашивал ее однотонные будни. А также безвозмездно помогал по дому и, как итог, – они подружились.

Именно от этого пустомели и пошли слухи об ее глубоких познаниях во врачевании, о которых теперь было известно далеко в округе.

Шло время. Женщина состарилась и поседела. Лицо ее, некогда прекрасное, теперь было испещрено морщинами, а глаза, потерявшие от времени свой блеск, уже не поражали своей небесной, в зеленую крапинку глубиной. Узнать в ней аннерийку благородной крови теперь было невозможно. Женщины – дуаги без тени сомнения принимали ее за свою.

Айвен же, с ее золотыми волосами и светлой кожей, могла бы посеять ненужные подозрения среди гостей старухи и лишит их весомой части пропитания. Вот и приходилось отсылать девчонку из дома под любым предлогом. Как смогла, Иериель вырастила ее и воспитала в традициях Аннерии. Старуха и не заметила, как девушка стала почти взрослой. Она исполнила перед ней долг – передала свои знания, научила всему, что знала сама, и настало время вернуть девушку в истинный дом. Откладывать неизбежное расставание не имело больше смысла. Только как ей сказать о том, что для ее кормилицы нет обратной дороги? Этот вопрос не давал ей покоя. Но не только это беспокоило ведунью.

Старуха была уверена, что с девушкой что-то не так. Открыто выражать свои эмоции было не свойственно для взрослых представителей их расы, а она осталась все такой же непосредственной, доброй и наивной малышкой, которой была в детстве. Айвен жила не разумом, а сердцем. Анне-

рийцы давно научились не следовать сердечным порывам, пряча свои чувства глубоко внутри. Следовали голосу сердца только дуаги.

В их убогой избушке девушка казалась лишней, неизвестно какими ветрами или силами принесенной прямо в руки старухи. Даже износившееся старенькое платье, из которого она давно выросла, не могло умолить ее необычайной красоты. Казалось, ее излучала каждая частичка. Все помыслы Айвен были открытыми и чистыми. От того она была еще более очаровательной.

Сородичи примут Айвен, без сомнения. Даже бирюзовые глазки не станут препятствием на ее пути к дому. Умная девочка со временем разгадает эту загадку сама. Осталось только научить ее некоторым правилам, по которым жила Аннерия. И уже весной она сможет навсегда покинуть Синий лес.

Старуха, наконец, решила оторвать дорогое дитя от сердца и тяжело вздохнула, помешивая непонятного цвета варево в черном от копоти чугунном котле. Ее нехитрое занятие прервал легкий, едва различимый стук в дверь.

«Хм, кого еще принесло?», – недовольно подумала Иериель, тяжело поднимаясь с насиженного места и ковыляя ко входу.

Несчастливая почти вдова покинула хижину несколько часов назад, а до заката было еще далеко, поэтому Иериель не ждала Айвен так скоро. К тому же, девушка, заходя в

дом, обошлась бы без стука. Ожидая увидеть очередную ду-агу с полными немой мольбы глазами, Иериель распахнула еле державшуюся на ржавых петлях створу. Подернутый черной пеленой силуэт незваного гостя заставил ее оцепенеть от ужаса. Опустив к полу выцветшие глаза, старуха молча выслушала свой приговор.

– Хоз-з-зя-я-ин жде-е-ет, ан-н-не-е-ри-и-йка. Вре-е-мя-я-я пр-р-и-шло-о-о... – противным голосом, словно скрип промерзшей жухлой листвы под ногами, прошелестел гость и медленно растворился в воздухе.

Дрожащими руками старуха прикрыла дверь. Она прекрасно поняла, чье послание только что принесла ей Тень, но не ожидала, что это произойдет так скоро. Ведь у нее еще остались дела на этом свете!

Смерть неумолима, и как бы аннерийка не силилась ее оттянуть, она все равно настигнет в ведомый только ей одной час. Жнец оказал ей честь, приглашая на аудиенцию. Пришел за ней лично. Значит, ее жизнь все-таки чего-то стоила. В свои последние минуты она горько сожалела лишь о том, что не успела правдиво рассказать Айвен о двух других, почти незнакомых ей мирах, предоставив теперь ее самой себе.

Подбросив побольше хвороста в догорающий очаг, чтобы избушка не успела остыть до возвращения девушки, она накинула на сутулые плечи дырявую шерстяную шаль и, не оглядываясь, шатающейся походкой покинула свое, бывшее многие зимы ей домом, жилище.

Глава 6

Легкий морозец приятно щекотал нежные щечки девушки. Айвен, довольная собой и своей, на редкость богатой добычей, бодро семенила по узкой тропинке, петляющей через чащу осеннего леса к дому. Сумерки сгустились, но она прекрасно знала дорогу и совсем не боялась быстро надвигающейся темноты. Кроме того, сегодня три луны, и они, как верные спутницы, не дадут ей заблудиться. Ловко подбрасывая себе в рот ягоды овьедо, она весело напевала под нос песенку, уже представляя себя с кружкой ароматного травяного чая возле теплой печи.

Через редеющие ветви деревьев уже виднелась знакомая лесная опушка. Осталось всего несколько поворотов, и она будет на родных до каждой трещинки каменных ступенях. Иериель наверняка ее заждалась и, скорее всего, будет недовольна, что та задержалась до ночи. Но Айвен не сомневалась, что содержимое корзинки, которое и заставило ее вернуться позже обычного, быстро поднимет кормилице настроение.

Внезапно лес охватила какая-то гнетущая и вместе с тем пугающая тишина. Айвен насторожилась и остановилась, внимательно оглядываясь по сторонам. Всем своим хрупким телом девушка ощутила присутствие чего-то странного и чуждого этим местам. Вековые деревья так же, как и она,

словно замерли в немом ожидании. Не было слышно даже марьек – маленьких прожорливых грызунов, почти кругло-суточно снующих по лесу в поисках еды.

Усилием воли, сбросив с себя оцепенение, на минуту сковавшее ее тело, девушка, не оглядываясь, бегом заспешила в сторону дома. Ее сердце неистово колотилось. Добежав до небольшого перелеска, она остановилась, чтобы перевести дух. От быстрого бега ноги подгибались, и Айвен присела на корточки, упершись влажными ладошками в холодную землю. Золотистые волосы совсем растрепались и выбились из-под капюшона, беспорядочными прядями свисая до самой земли. Когда стук сердца немного замедлился, она решила продолжить свой путь и было уже собралась подняться, как ее внимание привлекло едва различимое движение чуть поодаль от нее. В нескольких десятках шагов от того места, где она сидела, за колючими кустами шипки Айвен увидела очертания одиноко стоящей высокой фигуры, закутанной в белые одеяния. Первобытный страх тоненькими ручейками начал медленно разливаться по ее венам. А ноги будто одеревенели и словно вросли в землю. Фигура тоже заметила ее и плавно начала движение по направлению к ней.

«Кто это? Лесной зверь? Отверженный? Мужчина или женщина?» – мысли, как в дикой пляске, судорожно метались от одной догадки к другой. Приказав разуму обуздать нервы, она попыталась встать с колен, но у нее ничего не получилось. А фигура, подойдя к ней на расстояние несколь-

ких шагов, просто остановилась. Айвен не решалась поднять глаза. Взгляд девушки сфокусировался на ногах существа, обутого в бежевые замшевые сапоги необыкновенно искусной работы.

«Таких не шьют дуаги», – про себя отметила девушка.

Белые одежды на деле оказались светло-серым плащом, изнутри подбитым каким-то длинным густым мехом.

«Это человек. Мужчина», – с облегчением подумала Айвен.

Он откинул с головы глубокий капюшон и, распахнув полы плаща, протянул девушке затянутую в тонкую кожаную перчатку большую ладонь.

«Может, этот человек заблудился в темноте и нуждается в помощи?» – выдал очередную догадку разум.

Айвен уже было мысленно подбирала слова, как начать разговор с незнакомцем и, возможно, предложить ему свою помощь, как внутренний голос резко оборвал мысли, надрывно закричав: «Не прикасайся к нему, беги сейчас же!»

Девушка испуганно вздрогнула. Без сомнения, она бы так и поступила, молнией полетев сейчас в гущу леса, но оглушительную тишину меж ними нарушил низкий, ласкающий слух, мужской голос.

– Тебе холодно?

«Звезды! Это просто мужчина, а я не трусиха!» – мысленно одернула себя Айвен, отгоняя прилипчивый страх. Если бы этот незнакомец хотел навредить, то давно бы сделал это.

Не приняв руки и самостоятельно поднявшись с колен, она отряхнула с шерстяной накидки мелкие соринки, подняла голову и пристально посмотрела в лицо незнакомца. Их взгляды встретились, заставив обоих ошеломленно замереть. Мужчина неотрывно, с жадностью, разглядывал девушку. Впрочем, Айвен делала то же самое, не в силах отвести от него глаз. Даже в ночных сумерках она хорошо разглядела его. Незнакомец поразил ее воображение. Никогда еще Айвен не видела такого удивительно красивого человека. Его длинные белые волосы гладким и блестящим водопадом струились ниже плеч. Прямой нос, высокие скулы и квадратный подбородок с четко очерченными, слегка полными губами на бледном лице, являли собой безупречную гармонию линий. Он был очень высок. Ее макушка едва доходила ему до середины груди. Весь его мужественный образ источал какую-то мощную, порабощающую силу и власть.

Мужчина медленно опустил оставшуюся без внимания руку и тихо спросил:

– Как тебя зовут, милое создание?

– А..., Ай..., Айвен, – растеряв зачатки храбрости и запинаясь ответила девушка.

Казалось, весь воздух вышел из ее груди, когда она произносила свое имя. Таким сильным было ее волнение. Она отметила, что лицо мужчины было достаточно молодым, но в то же время и довольно зрелым. Определить его возраст она так и не смогла, но что-то подсказывало ей, что он успел мно-

гое повидать на этом свете. Незнакомец медленно улыбнулся, обнажив ряд ровных белоснежных зубов, и она на мгновение забыла, как дышать. Полностью очарованная, девушка вдруг неожиданно спросила себя:

«Какой на ощупь оказалась бы его ладонь, прикоснись я к ней?» – но тут же смутилась, мысленно благодаря темноту за то, что, должно быть, сейчас мужчине не видны ее запыхавшие алым цветом щеки. Как-будто прочитав ее мысли, мужчина улыбнулся еще шире. Сняв тонкую кожаную перчатку с левой руки, он снова протянул ее к ней и вкрадчиво произнес:

– Молодой девушке не стоит гулять одной в столь позднее время. Ты живешь одна в этом лесу? Кто знает, каких опасных тварей таит он в своих потайных глубинах. Не бойся меня. Пойдем. Я провожу тебя до твоего дома.

Его пленяющий глубокий голос послал по ее телу мелкую дрожь. Айвен сравнила его с тихими водами лесного озера Дис, медленно кружащими опавшие листья в своих опасных водоворотах, чтобы следом навечно похоронить их в бездонных черных глубинах.

Девушка ничего не ответила и не двигалась, продолжая стоять на месте и пристально рассматривать незнакомца. Словно устав от долгого ожидания, мужчина вздохнул и сам обхватил ладонью маленькую холодную кисть девушки. От прикосновения его длинных, изящных пальцев Айвен показалось, что она напрочь лишается рассудка. Стучащий по

вискам бдительными молоточками внутренний голос почему-то сразу затих, словно окончательно смирился с неизбежным. Необычайное умиротворение заполнило все ее естество.

Склонив золотоволосую голову, девушка посмотрела на их соединенные руки и тихо промолвила:

– Я знаю все потаенные уголки Синего леса и уверяю вас, в нем нет ни одного живого существа, способного причинить мне вред.

– Возможно, я с тобой соглашусь в этом... – загадочно ответил мужчина, не разрывая их телесный контакт. – Но все равно провожу тебя... сквозь темноту. Ты можешь звать меня Нэем.

Он легонько подтолкнул девушку, безмолвно прося вести его за собой.

– Так ты живешь здесь, светозарная Эйя... Айвен? – снова задал тот же вопрос мужчина. – Одна?

Вопрос насторожил девушку, и она, вновь беспорядочно кружа в потоке мыслей, сказать ли ему правду или же утаить ее за маленькой безобидной ложью, выбрала второе.

– Мои родители давно ждут меня дома. И, наверняка, ужасно волнуются. Синий лес является мне и моим четверем старшим братьям домом с рождения.

«Кто знает, что у этого Нэя на уме», – подумала Айвен, оправдывая себя. – «Иериель, будь на моем месте, солгала бы не задумываясь».

Мужчина, словно раскусив ее, понимающе улыбнулся.

– Иногда одна маленькая ложь во имя мнимого блага способна полностью разрушить твою жизнь, Айвен. – Немного помедлив, ответил Нэй.

Девушка стыдливо втянула голову в плечи, а он снова продолжил:

– На этой планете ты не можешь прожить жизнь дважды. Так устроен этот мир, юная аннерийка. Как и не можешь прожить ее вдвоем с... твоим другом в одном смертном теле. Позволь вам обоим пройти свой собственный путь. Отпусти того, кого ты так ревностно оберегаешь.

Совершенно сбитая с толку от непонятных слов Нэя, Айвен замедлила шаг, пока они оба полностью не остановились на опушке леса, где в свете лун отчетливо виднелась глиняная крыша ее с Иериель скромного жилища. Нэй приблизился к ней вплотную и, не спеша, легонько провел ладонью по ее покрасневшему личику. От его прикосновения теплота начала медленно заполнять все уголки ее тела.

– Проснись, Эйя. Разве «это» – твой выбор?

Внезапный порыв пронизывающего, ледяного ветра вернул Айвен чувство реальности.

«О чем говорит этот человек!?» – она не поняла абсолютно ничего из того, что он только что сказал.

– Мне нужно идти, Нэй, – дрожащим голосом произнесла девушка и выдернула ладошку из его мягкого захвата. – Прощайте.

Айвен побежала в сторону дома так ни разу и не обернувшись. Однако, ее новый знакомый пристально смотрел ей вслед, не пряча на своем лице загадочного, предвкушающего выражения.

– Нет, не прощай, а здравствуй, Эйя...

Глава 7

– Я пе-е-ре-да-а-ал Винта-а-ата-де Юй ва-а-ш-ши-и слова-а, хозяи-и-ин, – шипящим голосом произнесла Тень и спряталась за спину Нэйланда Мор – Тант, Жнеца смерти и второго хранителя планеты Мист. – Она-а при-де-е-е-ет...

– Я знаю, Карас.

Нэйланд Мор – Тант, жестокий палач и Собиратель душ из смертных сосудов, стоял на вершине крутого холма и задумчиво взирал вниз – на простирающийся до самого горизонта уснувший лес, заботливо укрытый ночной пеленой, словно одеялом. Всякое живое существо, сотканное из праха, боялось его прихода. Но смерть для них неизбежна. Следуя вселенскому закону мироздания – ничто не вечно.

Однажды, аннерийка по имени Иериель решила поиграть со смертью. Тогда, семнадцать лет назад, его верный слуга Карас принес ему абсурдную весть о том, что некая старуха посмела пойти наперекор своей судьбе и в назначенный час Предвестник не смог отметить для Жнеца ее душу. Дерзкая человечка каким-то образом оттянула свое жалкое су-

ществование. Пусть всего лишь на короткую вереницу событий, но этот факт впервые разозлил Жнеца не на шутку. Ведь тогда следовало признать, что он ошибся с расчетами. Братья засмеяли бы его, больно ужалив гордость и унизив достоинство. Ведь он – Нэйланд Мор – Тант – негасимая душа в бессмертном, триедином теле, один из четырех хранителей планеты и страж храма Судеб, рожденный энергией самой Мист сотни тысяч циклов назад! Великолепный, всемогущий и всеведущий! И он никогда не ошибается!

Бесконечный поток жизней и смертей проносился перед его глазами, но Иериель из королевского рода Винта-а-атаде Юй оставила в его памяти неизгладимый след. Потому, что напоминала ему о своем существовании непростительно часто за эти семнадцать лет! Чем злила до умопомрачения! Возомнила себя творцом, спасая от него никчемные, дуагские душонки! Ведь это делала именно она, а он просто... устал. И только поэтому ошибался снова и снова, приходя за некоторыми дуагскими душами раньше положенного срока. Конечно, он мог бы спросить у брата – Вершителя судеб и Владыки кармы Антигона Гая, в чем дело, но это значило наступить себе на горло и признать свою несостоятельность! Такого позора допустить было нельзя.

Обозленный на весь мир, Жнец почти перестал приходить за людскими душами, все чаще отправляя делать свою работу Караса – Тень и Предвестника смерти, а сам терпеливо ждал, когда последняя строка жизни Иериель дойдет до жир-

ной точки. И вот, наконец-то, эта ночь настала! Разве мог он не прийти за ней лично? Не мог! И да, он так захотел. Ее жизнь – ничтожная песчинка в неиссякаемом потоке Бытия, а смерть – логическое завершение еще одного перерождения заключенной в ней души. Ему было любопытно посмотреть на эту дерзкую пигалицу, прежде чем отправить ее в новый путь. И пусть она только посмеет обмануть его вновь!

Но не только простая душа аннерийки занимала сейчас его мысли. Он думал о девушке, которую случайно встретил сегодня в чаще ночного леса. И сейчас, воскрешая в памяти ее розовые от смущения щеки, на горделивом лице то появлялась, то исчезала едва заметная, нежная улыбка. Впервые, за очень долгий промежуток своего существования, он не мог определить точно, какое чувство заставило его черствую душу радостно встрепенуться, напоминая через глухую преграду сознания, что она у него все же есть.

Бамако Инлос – Безмолвный Созидатель и Проводник душ в мир Праха, четвертый хранитель и страж храма Судеб, наверное, довольно позлорадствовал, почувствовав сейчас исходившие от него живые эмоции. Но, ведь только он и мог ответить на мучивший его вопрос.

Девчонка оказалась не проста. Еще совсем малышка, а носила в себе такой большой и весьма неожиданный секрет. Ее тело возвращало в себе новорожденную дуагскую душу. Только вот не это удивило знавшего практически все законы Вселенной Жнеца. А то, что брезгливо оттолкнуло его, как

безродного щенка, и не позволило к себе даже прикоснуться.

Видимый только его глазу ярчайший свет искрящимся темно-голубым ореолом окружал стенки человеческого сосуда, чем сразу привлек его внимание. Ее выбивающаяся через края чистая, непорочная энергия, как путеводная звезда посреди черной пустыни, освещала все вокруг! Подобного на Мист он не видел никогда прежде и, как привязанный, незримо следовал за девушкой по пятам под сенью ночного леса.

Подумать только!?! Душа без предначертанной судьбы. Собственный и единоличный создатель своего будущего. Это она излучала то притягательное свечение. Хранители называли такие души – Эйя. И, как бы ни пытался Нэйланд воздействовать на Айвен и расположить ее к себе, Эйя в ней все время была на чеку, убедив разум бежать от него без оглядки. И она рьяно защищала малютку – дуагу от него. В девушке были заключены две души.

Эйя была настолько редким явлением, что в миллионах знакомых ему разумных миров их можно было пересчитать по пальцам. Закончив проходить предначертанный круг испытаний, такие души не запятали себя убийством, ненавистью, завистью и прочими излюбленными человеческими пороками. Остались чистыми, по-настоящему познав суть Бытия. Вернувшись в первоисточник своего Творца по окончании путешествия, – они больше никогда не возвращались в миры Праха. В этом для них больше не было необходимо-

сти.

– Карас, следуй за Бамако Инлос и передай, что я хочу его знаний в третий день зимнего месяца орд, в северных землях Дуаг, на границе Синего леса.

Неразличимая в ночных сумерках Тень отделилась от своего господина и растворилась в морозном воздухе.

Нэйланд растянул губы в надменной усмешке. К назначенному времени он успокоит свою душу, и у братца не будет повода посмеяться над ним. А он внимательно слушает объяснения Бамако, почему тот не досмотрел и допустил слияние двух душ в один смертный сосуд. И кто же будет злорадствовать тогда? Конечно Нэйланд Мор-Тант!

Иериель брела через лесные дебри всю ночь и только к утру вышла к болотам. Она абсолютно выбилась из сил и кое-как влачила свое иссохшееся старушечье тело на подгибающихся ногах. Светало.

– Ты ждала меня, Иериель? – откуда-то из-за спины слышался мягкий мужской голос.

Старуха нервно сглотнула и обернулась.

«Смерть должна быть именно такой», – печально подумала она, рассматривая высокого, красивого мужчину с пурпурными, как предрассветное небо, глазами над ее головой.

– Мы все ждем тебя, когда подходит к концу наше время. Только вот, я... не ждала тебя так... рано.

Жнец приподнял темные, густые брови и улыбнулся.

– Ты снова удивляешь меня, Иериель. Хочешь сказать, что отведенного тебе срока было недостаточно?

Старуха, замешкавшись на секунду, с грустью прошептала:

– Недостаточно.

Одарив аннерийку долгим, пристальным взглядом, Нэйланд спросил:

– Что же не дает твоей душе покоя?

Старуха оживилась и надрывным, каркающим голосом почти прокричала ему в лицо:

– Позволь мне остаться еще ненадолго! У меня есть одно важное дело! Я хочу...

– Скажи мне, Иериель, была ли ты счастлива в жизни? – перебил ее Нэйланд, не дав закончить.

– Была! Но тебе этого не понять! Ты не способен на любовь. Только она стоит того, чтобы жить! Я, не задумываясь, прошла бы свой тернистый, нелегкий путь дважды, ради...

– старуха резко замолчала, задыхаясь от переполняющих ее чувств.

– Ради кого, Иериель? – тихо засмеялся Жнец.

– Ради человека, которого я люблю всей душой.

Несколько долгих минут молчания прервал тихий шепот:

– Иериель Винта-а-ата-де Юй, пришло время освободить твою душу от оков плоти.

Мужчина подошел ближе и заключил ее руки в свои оголенные ладони.

– Ты была моей любимицей. Я навсегда сохраню память о тебе.

– Но, Айвен!.. – громко воскликнула Иериель.

– Айвен?

– Она не справится одна... Мне нужно столько еще ей рассказать! Она не готова!.. Я не могу оставить ее сейчас! – запричитала старуха, заливаясь слезами.

– Тише, Иериель Винта-а-ата-де Юй, – успокаивающим голосом прошептал Жнец. – Твоя история закончена, а значит, тебя здесь больше никто не держит.

Коснувшись ее лба легким, как перышко, поцелуем, Нэйланд бережно вынул душу старухи и навсегда погасил тлеющий огонек жизни в ее теле.

Хижина встретила Айвен тишиной, и только догорающие угольки в старой печи свидетельствовали о том, что Иериель покинула ее совсем недавно. Необъяснимый страх быстро улетучился, едва девушка оказалась за порогом собственного дома. Так же, как и мысли о странном человеке, которого она повстречала в лесу.

«Куда пошла кормилица в такой час? Неужели на мои поиски?» – вопрошала себя девушка, и беспокойство противным холодком овеяло ее сердечко.

Поставив корзинку с ягодами на стол, она умыла лицо и руки прохладной водой и приказала себе успокоиться.

«Кормилица скоро вернется», – повторяла себе Айвен

чуть ли не каждую минуту, но тревога уже овладела ее разумом и никак не хотела его покидать.

Она подкинула немного хвороста в очаг, приготовила на скорую руку бобовую похлебку и принялась ждать. Усталость прожитого дня все же сморила ее. Так и не дождавшись возвращения Иериель, девушка глубоко заснула. В этот раз ночь не одарила ее сновидениями, лишь под утро явив еще сонному сознанию прекрасное лицо человека с глазами цвета пурпурного заката.

Едва пробудившись, Айвен поняла, что кормилица так и не вернулась домой. Больше не оставалось сомнений, – с Иериель что-то случилось. Воспаленная фантазия всюду рисовала ей возможные и страшные варианты произошедшего. Вот Иериель неудачно упала, подвернув ногу, или заблудилась в ночи, ведь была уже подслеповата, хотя и не признавалась в этом! А сейчас где-то так отчаянно нуждается в помощи!

Запретив себе думать о плохом, девушка поняла, что ждать в хижине бессмысленно, и с непоколебимой решимостью накинув плащ, отправилась на поиски старухи.

Глава 8

Очередное предрассветное утро встретило Данталиана под крышей смотровой башни. Здесь, на холоде, ему всегда думалось легко. Дерзкий план побега из замка был продуман

до мелочей. Юноша был полон решимости привести его в действие уже сегодня, с заходом последних лучей.

Отец должен был вернуться из провинции Ланн через несколько дней. Тянуть было нельзя.

Последствия столь безрассудного поступка не пугали его. Если все пройдет по плану, то его отсутствию не придадут значения. Все, что ему нужно было сделать, это незаметно пробраться к пространственному порталу, находящемуся в роще Истин. Данте ни разу не видел его в действии. Им не пользовались очень долгое время, но он точно знал, что в червоточине есть проход в Запретные земли. Без портала путь до них занял бы у него несколько дней, а он не располагал таким временным «богатством», прекрасно осознавая, что его пропажу быстро заметят.

Галариан до сих пор отказывался его поддержать и всяческими способами отговаривал от безумной затеи. Все, чего хотел Данте, это что бы Гал прикрыл его на несколько дней. Задумка была до смешного проста. Он прикинется больным и под предлогом плохого самочувствия запретится в своей башне. А Галариан любезно согласится позаботиться о нем, лично ухаживая за слегшим в постель несчастным братом. Ну, и, конечно, придумает что-нибудь, дабы отвлечь внимание матери от своего старшего сына.

Данталиан в последний раз вдохнул в легкие холодный воздух, улыбнулся своим мыслям и уверенной походкой направился в комнаты второго принца, чтобы поделиться де-

талями своего гениального плана.

– Какое чудесное утро! Не смог удержаться от того, чтобы не поприветствовать и не пожелать тебе хорошего дня, мой дорогой Гал! – восторженно, нараспев воскликнул Данте, входя в личные покои брата и не удосужившись даже постучать.

Как и ожидаемо, Галариан встретил его уже на ногах. Второй принц Вейн Руасу был педантичен до кончиков своих иссиня-черных волос. Данталиан искренне недоумевал, как здравомыслящий человек может изо дня в день вставать с кровати в строго определенное время, неукоснительно следовать этикету и личному расписанию, быть приторно вежливым в речах со всеми королевскими вельможами и их женами-клушами! Дикость! Но у этой странности Галариана было одно великолепное достоинство. Данте всегда безошибочно мог определить, где в ту или иную минуту находится брат.

«До отвращения предсказуем», – с легким осуждением подумал он, посмотрев на аккуратно причесанные волосы и безупречный вид Гала, собирающегося выходить к завтраку.

– Утро доброе, – отозвался второй принц, поправляя воротничок на белой хлопковой сорочке.

– Не хочу начинать свой скучный и безрадостный день без беседы с тобой. Твои разумные наставления, как живительный бальзам на гниющую рану. Не видел тебя всего лишь ночь, а кажется, прошла целая вечность! – снова воскликнул

Данте, лучезарно улыбаясь.

Галариан театрально закатил глаза к небу.

– Я вдвойне рад видеть тебя, любезный Данталиан. Что привело тебя ко мне в столь ранний час? Обычно, ты не удаиваешь меня своим вниманием раньше полдника. Сломалась ножка трона, на котором ты сидишь? – попытался пошутить второй принц.

– Нет. Все гораздо прозаичней. Вопрос жизни и смерти. Ты знаешь причину, Гал, – ответил первый принц полушутя, но тут же добавил более серьезно. – Сегодня ночью я через портал отправлюсь в Запретные земли.

Гал недоуменно посмотрел на него.

– Я хочу, чтобы ты за завтраком сказал матери, что мне нездоровится. Прикрой меня всего на два дня. Умоляю тебя, Гал. Я редко когда-либо о чем-то тебя просил! Я чувствую, что поступаю правильно. Хотя бы раз в жизни будь на моей стороне!

– Я всегда на твоей стороне! Данте, ты переходишь все границы и... Небо! Ты даже не знаешь, как он работает! – прокричал Галариан.

– Это наверняка знаешь ты...

– Да! Только вот тебе ни за что не скажу!

– Пожалуйста, брат.

– Данте, мы не знаем, что находится по ту сторону портала, – смягчился Гал. – Неужто ты и вправду убедил себя в том, что там есть кто-то, способный тебе помочь? Если о

твоем предприятии узнает отец, то нам обоим не сносить головы.

– Я не уверен, но мое сердце подсказывает, что мне нужно поступить именно так.

– Благословение богини сходит не на всех. Ты не единственный. И... я уверен, что леди Фрейя полюбит тебя всей душой, как только узнает поближе. Пойми, от судьбы не уйти.

– Это не моя судьба! – закричал Данте. – Я это чувствую! Кто-то или что-то со злой ухмылкой смотрит сейчас на меня свысока. Но я не сдамся! Если ты не поможешь мне, я сделаю все в одиночку. Рано или поздно!

Галариан разрывался между братом и родителями. Поступок Данте просто подкосит мать. Как странник на перепутье, он сомневался, какую дорогу выбрать. Ведь обе они вели к потере. Если он откажет брату – потеряет его доверие и, возможно, навсегда воздвигнет между ними стену из обид. Если же согласится пойти у него на поводу, то предаст родителей. Немой укор в глазах матери и разочарование в глазах отца камнем лягут на его сердце.

Галариан вымученно опустился на мягкое кресло и закрыл лицо руками.

– Данте, если с тобой что-то случится, мне никогда этого не простят.

– А я никогда не прощу тебя, если ты откажешь мне в такой малости, – опустился до шантажа первый принц.

– Хорошо. Я выполню твою просьбу, – тихо произнес Галариан. – Перед ужином я проникну в рощу Истин и поверну ключ портала к Запретным землям.

Сказав это, юноша молча встал и направился прочь из своей комнаты.

– Я тоже люблю тебя! – донеслись до него слова Данте.

Галариан оставил их без ответа, страхась обернуться и посмотреть в глаза тому, кого принял решение спасти. Убедив себя, что поступает мудро, он подумал:

«Все не так, как есть на самом деле для тебя, брат. Уверен, однажды ты поймешь, что я поступил тебе во благо».

К полудню леди Мойра в полных подробностях знала о новой аванюре своего старшего сына.

Весь день, находившийся в приподнятом настроении, Данте тщательно готовился к своему первому «серьезному» приключению. Он решил, что если в течение двух дней ему не удастся отыскать хоть кого-то и разузнать немного о таких, как он, то вернется в замок и примет волю родителей, покоровшись судьбе.

Еще накануне он стащил с кухни немного провианта, начистил и спрятал за высоким голенищем сапога тонкий клинок, подаренный отцом, и теперь терпеливо ждал прихода ночи. Когда время пришло, он, преисполненный решимостью, незаметно покинул свои покои и уверенно направился в рощу Истин. Полностью увлеченного «серьезным» приключением юношу совсем не насторожил тот факт, что от

самых ворот замка и до рощи ему не повстречался ни один живой человек. Он списал это на простое везение и еще раз убедил себя в правоте своих действий.

«Сама богиня Сайя благоволит мне», – радовался принц.

Наконец, добравшись до заветного портала, Данте не скрыл разочарования, когда выяснилось, что он закрыт.

«Значит, по каким-то причинам Гал не смог проникнуть в рощу Истин тайно», – подумал он. – «Можно было бы и догадаться. Но Гал придет. Он обещал. Скорее всего, подойдет позже. А пока я сам попробую открыть проход».

Нащупав у боковины врат сокровенный рычаг, Данте тщетно попытался его повернуть. Но, как на зло, ключ совершенно ему не поддавался. Он прикладывал новые и новые усилия. Все было бесполезно. Оставив на время попытки, юноша присел, прижавшись спиной к холодной каменной колонне и закрыл глаза. Он просидел так больше часа, но Гал не появился. Очевидно, он и не собирался ему помогать.

– Вот же гаденыш! – в сердцах воскликнул несостоявшийся беглец.

– Не говори так о своем брате, – прозвучал властный голос матери. – Тебе стоит поучиться у него благоразумию. О чем ты только думал, сынок!? Разве ты не знаешь, что проходящим через эти врата в Запретные земли навсегда запрещено возвращаться. Портал бы просто не впустил тебя обратно!

– Я этого не знал, мама, – безжизненным голосом произнес Данталиан.

– А должен был знать!!! Твой отец будет в ярости, когда узнает о твоей затее. Так не может больше продолжаться! – закричала леди Мойра. – Ты представить себе не можешь, через что я прошла, дабы великая Сайя сжалилась и зажгла тебя свое божественной искрой! – слезы тонкими струйками катились по ее щекам. – Но она не слышит даже меня! Твою мать! В Запретных землях нет человека, кто смог бы рассказать, как вернуть твою душу! Все предатели давно должны были состариться и сгинуть!

Немного успокоившись, она строгим, не терпящим возражений голосом продолжила:

– Больше никаких глупых выходок, Данталиан Вейн Руасу. Я не хочу, чтобы ты подвергал свою жизнь опасности. С этого момента ты будешь делать то, что я тебе велю, и смиришься с участью, уготованной тебе судьбой. Больше ты не смеешь выходить за пределы замка без нашего с отцом разрешения. За любым неповиновением с твоей стороны будет следовать неминуемое наказание!

Резко развернувшись на носочках, она быстрым шагом удалилась из рощи, оставив юношу в одиночестве смаковать новое для него чувство – предательство родного брата.

Всю последующую неделю столица только и говорила, что о первом принце Дуаг: «Да уж, незавидное будущее», «Как жаль мальчишку», «Так ему и надо», «Окончательно сошел с ума», – злословили городские сплетники. Но, как это всегда бывает, через несколько дней шум поутих, вернув жизнь

обывателей в прежнее спокойное русло.

Данталиану ничего не оставалось, как подчиниться воле родителей. А между родными братьями теперь зияла глубокая пропасть. Как бы ни пытался Галариан смягчить Данте, все его попытки оказывались тщетными. Больше брат ни с кем не делился своими переживаниями и мечтами, наглухо закрыв разум и сердце стеной отчужденности.

А на другом конце королевства Дуаг Айвен продолжала поиски Иериель. Она изо дня в день неустанно прочесывала каждый уголок Синего леса. Заглядывала во все труднодоступные места в надежде найти там кормилицу. Но ее нигде не было. Старуха будто растворилась в воздухе. Сердечко девушки отказывалось верить в то, что Иериель погибла, и она больше никогда ее не увидит. Так и не приняв действительность окончательно, она убедила себя в том, что этой беды не случилось бы, не задержись она тогда дольше обычного. В пропаже Иериель она винила себя.

Глава 9

Легкими движениями ладоней Нэйланд играл со снежинками, то опуская, то заставляя их воронкой взмывать в воздух. Он ждал. Душа успокоилась, но мысли о девушке преследовали его все это время. Какая-то неведомая сила постоянно тянула его к ней в Синий лес. Он теперь почти непрерывно наблюдал за Айвен издалека, напрочь позабыв о сво-

их обязанностях.

Он никогда не был человеком. Не нуждался в телесной оболочке, но неизменно принимал ее, чтобы не испугать души в предсмертную минуту и сопроводить их из умирающего тела до источника в храме Судеб, где они обретали новую цель в витке следующего жизненного пути.

Конечно, Жнец знал, что допустил оплошность тогда. Он не должен был проявлять себя перед Айвен, но исходивший от нее свет так сильно манил, что даже «бог» не смог побороть искушение насладиться им. Странно, но Нэй не жалел об этом, а был даже рад.

Из раздумий его выдернул тихий шепот:

– Почему ты назначил мне встречу в этом месте, Жнец?

Бамако Инлос, четвертый хранитель и Проводник душ в мир Праха неслышно подошел к Нэйланду и встал рядом.

– Ответь мне, Бамако, что ты видишь, глядя на эти величественные, вековые деревья? – спросил его Нэйланд.

– Я вижу только души, и незримо следую вместе с ними, не позволяя оступиться на дорогах судьбы. Синий лес бездушен, брат мой, хотя и наделен сознанием.

– Посмотри на берег вон того лесного ручья. Что ты видишь, премудрый Бамако?

Взмахом руки Нэйланд указал на маленькую женскую фигурку, одиноко сидящую на берегу. Глубоко задумавшись, она что-то медленно выводила на холодном льду дрожащими пальчиками.

– Я вижу девушку! Обычного, смертного человека, – недовольно воскликнул Бамако. – Ты только для этого позвал меня сюда?

– Брось... Ты видишь то же, что и я. И это не просто обычный, смертный человек, – Нэйланд внимательно посмотрел на брата. – Заботливый пастух допустил паршивую овцу в свое стадо, а, Бамако?

Жнец почувствовал едва уловимые, тревожные флюиды, исходившие от Проводника душ, но он очень быстро подавил их. На смену им пришло еле контролируемое раздражение. Сейчас Бамако тщетно пытался спрятать от него свои эмоции. Очевидно, он не хотел, чтобы Жнец стал свидетелем его халатной ошибки. Рассудив именно так, Нэй сардонически усмехнулся, посчитав обязанным подлить масла в огонь.

– Как ты допустил, что дуагская душа попала не в свой сосуд?!

– Не скрою, что баланс душ на планете нарушен. Но это не страшно, – наигранно равнодушно ответил четвертый хранитель.

Высокий, молодой мужчина с пепельно-черными, как древесная зола волосами, продолжал вглядываться в Айвен пурпурными глазами, пристально сверля ее профиль.

– Не страшно? Неужели ты думаешь, что я не заметил, что с той душой живет Эйя! А она не приходит в мир Праха без причины.

– Эйя вольна выбирать, воплощаться ей вновь в смертном

теле или нет, – отстраненно прошептал Бамако.

– Пусть так, но душу дуаги нужно вернуть законному хозяину!

– Я услышал тебя, брат! Обещаю, что вскоре займусь этим вопросом!

Жнец удивился до глубины души.

– Ты так просто отмахиваешься от своих прямых обязанностей, Бамако?

– Беру пример с тебя, любезный нравоучитель. К сожалению, у меня нет столько силы, чтобы приделать себе Тень и спихнуть на нее всю свою работу! Сейчас я очень занят, но обещаю разобраться во всем позже!

Бамако злился, и это приятно цепляло Жнеца, как он того и добивался.

– Может, тебе помочь, любезный ученик? – ласковым, вкрадчивым голосом предложил Нэй.

– Как тебе будет угодно! Найди смертное тело живущей в девушке дуаги. Прочитай в ней предначертанное и верни ей предназначенное. А я с помпезностью расскажу об этом откровении остальным братьям. Ты станешь героем. Доволен?

Бамако Инлос исчез, оставив после себя едкий дым раздражения. Жнец победоносно улыбнулся. Конечно, он был доволен. Причем, очень.

– Карас? – тихо позвал Нэйланд свою Тень.

– Ве-р-рн-ый слу-у-га слу-ша-е-ет ва-а-ас-с, хозя-и-ин...

– Пусть тьма станет светом, а смерть обретет жизнь. Предвестник же не нарушит круговорота Бытия на планете. Я останусь здесь, рядом с той девушкой, как человек. Недолго. Доноси мне обо всем, что будет происходить в храме Судеб. Иди.

– Да-а, хо-зя-и-ин...

Пальцы Айвен окоченели от холода, и она почти не чувствовала их. Но ей было все равно. Прошло уже больше двух недель, как она жила в полном одиночестве. За все это время ей так и не удалось найти даже следов старухи. Надежда на то, что она еще может быть жива, угасала с каждой минутой.

Погода испортилась и, оставив свои поиски на сегодня, Айвен медленно брела в сторону дома. Из-за усилившегося снегопада она с трудом разбирала дорогу, идя почти наугад и по щиколотку утопая в рыхлом снегу. Скоро он накроет густым покрывалом всю округу, и продолжать поиски станет невозможным, вплоть до прихода весны.

«Не опускай руки, Айвен», – говорила себе девушка. – «Главное – пережить зиму, а уж весной ты навсегда покинешь эти неприветливые места. Запасов еды хватит. Ты со всем справишься».

Едва Айвен выбралась из заснеженного леса, как ветер неожиданно стих, снегопад прекратился, расчистив ее взору чистое, с редкими перистыми облачками голубое небо. Снежинки причудливо играли в прятки с ослепительными луча-

ми зимнего Амираана, и девушка нехотя залюбовалась их ледяной красотой. Шагая по укрытой снегом узкой тропинке, Айвен одной ногой неожиданно провалилась в ямку и неуклюже распласталась лицом к земле всем своим маленьким телом.

– Ну что за нерасторопная девица! – воскликнула она, подражая недовольному голосу Иериель.

Тем не менее, она не спешила подниматься. Перевернулась на спину и широко раскинула в стороны руки, рассматривая небесную синь под переливчатое пернатое пение где-то высоко над своей головой.

– Забавно, я снова встречаю тебя у своих ног, Айвен. Считать мне это банальным совпадением? А может добрым знаком? – раздался вдруг знакомый голос.

От неожиданности она подскочила и резко встала на ноги, быстро отряхивая свое простенькое одеяние от налипшего снега. Голова немного кружилась, а лицо и шею снова начал заливать предательский румянец. Девушка никак не ожидала встретить этого странного человека снова. Теперь, при свете дня, она, как ни странно, совсем не ощущала перед ним того дрожащего страха, который обуял ее разум в их первую встречу.

«Безупречный», – подумала Айвен, окинув мужчину взглядом с головы до ног. – «И опасный», – тут же всплыл откуда-то внутренний голос.

Надев на лицо маску зазнавшейся гордячки, она крестом

сложила на груди свои тонкие руки и, выставив правую ножку вперед, нарочито надменно ответила:

– Всего лишь совпадение, Нэй, не более.

– Прилегла здесь отдохнуть?

Мужчина едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Мой дом – где хочу, там и отдыхаю! – по-детски огрызнулась Айвен, не найдя более виртуозного ответа, чтобы поставить его на место. Они едва знакомы, а он уже вздумал с ней шутить. Она недовольно сузила бирюзовые глаза.

– Конечно. Кто же спорит, – ласково ответил ее собеседник.

– Что же вас привело в Синий лес снова? Судя по вашему виду, вы не практикуете аскетизм и явно не принадлежите к числу местных жителей.

Нэй нахмурился. Понять, что не так с его внешним видом, не представлялось возможным. Его опыт общения с простыми смертными хоть и был весьма богатым, но сводился лишь к одному – забрать душу. Направляясь к девушке, он вообще не думал о том, как выглядит в ее глазах. Досадно! Она была наблюдательна, и если он не проявит осторожность, то Эйя быстро поймет, что перед ней не совсем человек. Закроется. А это намного усложнит ему задачу.

– От чего же, Айвен?

– Вы слишком... нарядно одеты.

Жнец облегченно выдохнул. Значит, только одежду она посчитала неуместной. Но в таких одеяниях ходят все люди

мужского пола в холодное время года! Или нет? В любом случае, это поправимо.

– Синий лес приветливо согласился принять меня... на время. Теперь я здесь живу, как и ты. – и, немного помедлив, уже серьезно добавил. – В следующий раз непременно облачусь в шкуры.

Девушка попыталась спрятать улыбку.

– Ложь не красит ваше сердце, Нэй. И эти земли принадлежат дуагам, а ваши волосы и светлая кожа говорят о том, что вы явно не относитесь к этой расе, – насмешливо заключила она.

Значит, и его внешность взволновала Айвен. Нэй мысленно поморщился. Но ее подарила ему сама Матерь! Жнец был не волен в ней что-то менять. Придется нападать.

– Как и ты, Айвен? – спросил он, давая понять, что и ей здесь тоже не место. – С чего ты это решила?

Она замялась. Было видно, что девушка занервничала, но старалась не подать виду. Жнец с любопытством ждал, что же она ответит ему. Бить его карту ей было нечем. В своей короткой жизни она вообще не видела мужчин. Откуда им тут взяться? И он это прекрасно знал. Того старика, который жил по ту сторону холма, можно было не брать в расчет. Он давно мало походил на человека.

Ответа на свой вопрос Жнец так и не дождался. А девушка решила не церемониться и дать прямо в лоб.

– Что вы здесь делаете?

– Скажем так, люблюсь видами. Синий лес в последние недели... особенно привлекает меня своей необычной красотой.

Нэй откровенно дразнил Айвен, и она это понимала. Ей очень хотелось расспросить нового знакомого о причинах его появления здесь и о том, откуда он родом, но она решила пока повременить с этим и направить разговор в более безопасное для себя русло. А еще очень хотелось подловить Нэя на обмане.

– Позвольте узнать, где же вы остановились? На несколько миль вокруг нет ни единой души. Только старый Тронвилль одиноко живет на противоположной окраине леса, вон за тем холмом. Неужели старая, слепая горчиха приютила вас в своем дупле?

Девушка весело рассмеялась своей безобидной шутке, а сердце Нэя пропустило несколько ударов. Она была невероятно милой в этот момент.

– Я бы не посмел потревожить покой несчастной птицы своим присутствием, Эйя, – с нежной улыбкой ответил он. – Я нашел пристанище на вершине того самого холма, который сейчас возвышается позади тебя.

Айвен никогда не взбиралась на ту холмистую вершину. Уж слишком крутым и скалистым казался подъем. Поэтому не могла судить о правдивости его слов. Немного замешкавшись с ответом, она сказала:

– Что ж, в таком случае, думаю не смогу навещать вас и

скрашивать досуг зимними вечерами. Мне туда не забраться.

Жнец посмотрел ей прямо в глаза долгим, серьезным взглядом, убрав с лица улыбку.

– Тогда позволь мне навещать тебя?

– Зачем?

Жнец задумался. Открыть правду он не мог. Она просто не поймет ее. Но и лгать тоже. Матерь не наделила своих детей такой способностью.

– Буду рад помочь тебе, пока я здесь. Кроме этого, уверен, что у тебя есть много вопросов, на которые ты жаждешь ответы. Тебе не нужно меня бояться. Я буду последним в этом мире, кто посмеет причинить тебе боль.

Девушка молча смотрела в фиолетовые глаза Нэйланда и о чем-то размышляла. Он не мог проследить за ходом ее мыслей, да и не силился этого делать. Все его внимание было приковано к ее необыкновенной внешности. Чистая красота Эйи так гармонично сочеталась с телесной, что кожа Айвен словно светилась, бликами отражая дневной свет. Хрисанф Рувим, первый хранитель, превзошел сам себя, создав такое чудо. Стоило признать, Жнецу было чему завидовать брату.

Наконец, она ответила:

– Хорошо.

И, не сказав больше ни слова, развернулась и пошла по тропинке в сторону своей хижины.

– Когда я увижу тебя снова, Айвен? – бросил вслед вопрос

быстро удаляющейся девушке Нэйланд.

– Когда захотите спуститься со своей вершины, Нэй! – прокричала она ему, не оборачиваясь.

– Когда захочу спуститься со своей вершины? – шепотом спросил сам себя Нэйланд, довольно улыбаясь. – Я и не намерен подниматься.

Глава 10

Насыщенный, пряный аромат свежеиспеченных булочек с вересковым джемом так заманчиво щекотал ноздри маленькой принцессе, что семилетняя Джейнаель, не удержавшись от соблазна, ловко спрыгнула с колен отца, так и не закончив свой рассказ о волшебном саде, по которому ей довелось гулять во сне этой ночью. Не желая упускать возможности первой полакомиться ими прежде остальных жителей дворца, она уверенной походкой направилась на кухню. Ее белокурые кудряшки так забавно подпрыгивали в такт движениям, что Антес Винта-а-ата-де Юй, второй верховный властитель возрожденного королевства Аннерии, не смог сдержать умиления и нежной улыбки, всегда появляющейся на его тонких губах при виде дочери. Он был уже не молод – сеточка глубоких морщин покрывала его некогда красивое, мужественное лицо, а седые виски неоспоримо свидетельствовали каждому о немалом количестве прожитых им лет.

– Джейнаель, – окликнул он быстро покидающую его дев-

чушку. – Все твои чувства читаются сейчас у тебя на лице. Ты, как открытая книга. Это не подобает принцессе и истинной аннерийке.

И с напускной обидой в голосе добавил:

– Булочки тебе дороже отца, что ты так быстро покидаешь его...

Повернувшись на ходу, девочка весело ответила:

– Булочки не умеют ждать, папа, особенно те, что испекли специально для меня!

Проводив обожающим взглядом свою единственную дочь, Антес тяжело откинулся на спинку позолоченного массивного кресла. Достав из шкатулки трубку с дурманящей травой вейра, король закурил, выпуская в воздух сладковатый дым, причудливыми формами заполнивший спертый воздух его спальни. Несмотря на плотную занавесь, в комнату из окон все же проникал свет, без сомнений говоривший о том, что на дворе стоит прекрасная погода. Впрочем, как и большую часть годового цикла. Вечнозеленые деревья и растения здесь никогда не знали зимы и снега. Всем буйством красок бесконечного лета они круглый год цвели в плодородных долинах, находящихся очень далеко к югу от его, когда-то в спешке покинутой и навсегда утраченной родной земли.

Не в силах победить в бесконечной войне с людьми Дуаг, король Аммант, отец Антеса, принял тогда непростое решение для своего народа. Подписав с дуагами Священный Закон Шайях, он навечно отдал им все земли своего королев-

ства и запретил аннерийцам смешивать с ними свою кровь. В один день всем было приказано собрать нехитрый скарб и покинуть свои дома. Аммант уводил измученные остатки своего народа в пугающую неизвестность.

Но не все были согласны с новым законом, воспринимая его, как признание поражения и постыдный побег. Трусость. Истинный аннериец никогда бы не опозорил себя такой слабостью, которой, как считали они, поддался старый король. Сторонники продолжения войны никуда не исчезли. Даже в стенах отстроенного с фундамента дома, они продолжали плести интриги и подбивать знать на свержение законного властителя, унизившего целый народ перед лицом злейшего врага. Лишь немногие тогда понимали, что Аммант показал поистине королевскую силу, которую, ослепленные жаждой возмездия и ненависти глупцы, ошибочно приняли за слабость. Эта сила – забыв про гордость отступить и спасти остатки его немногочисленной расы. Но истинный, мудрый король не был бы королем, если бы не умел заглядывать за пределы существующей реальности.

Он жестоко, на корню, пресек все попытки несогласных сеять в умах аннерийцев сомнения. Корона твердо стояла на своем, а ослушавшихся ее воли неизменно ожидала незавидная участь – умереть в катакомбах или стать бесправными изгоями, одиноко странствующими по миру.

В льдисто-голубых глазах Антеса промелькнула печаль. Одной из последних, не пожелавших подчиниться и при-

нять действительность, оказалась его любимая Иериель. В последнее время он все чаще вспоминал сестру. Там, в их беззаботном детстве, где деревья казались такими большими, что взгляд не доставал до их верхушек, а студеной вода проснувшегося от зимней спячки ручья не обжигала холодом голые стопы, наполняли его сердце тихой грустью в минуты единения. Она была старше его на восемь лет, но, даже будучи юной девушкой, ей почему-то доставляло огромное удовольствие возиться с любознательным несмышленьким. И едва из – под снега появлялись нежные, белые цветы инейды, возвещая о приходе весны, они целыми днями напролет пропадали в густых, непролазных лесах, плотным кольцом окружавших главный город Аннерии – Велидию и родовой замок Нордфонейль. В их прошлом доме, далеко на севере. Он еще хорошо помнил его.

Поначалу для родителей не стало сюрпризом, что она наотрез отказалась уходить вместе со своим племенем. И была не единственной несогласной. К тому же, юной девой. Что она могла понимать? Выяснить причины ее упорства никому не пришло в голову. Одним лишь строгим взглядом отец заставил ее пересмотреть свои желания. Она покорилась, но ненадолго. Прожив в новом доме семь лет, она неожиданно для всех пожелала уйти!

Оказалось, его Иериель впустила в сердце любовь к зеленоглазому «чудовищу», повстречавшемуся ей в тени ветвистых деревьев Нордфонейля много лет назад. Все это время

она втайне мечтала быть с ним! И он нашел ее! И он тоже любит ее! Пришел за ней, вопреки всем и всему!

Уговоры матери и отца были бесполезны. Иериель была непреклонна, ведь уже сделала выбор, вновь уходя в неизвестность.

Боль от утраты любимой сестры горькими слезами катилась из небесных глаз юноши несколько ночей подряд. Иериель предала его, сделал вывод Антес. Тогда он клятвенно пообещал себе, что никогда не впустит в сердце любовь, раз она причиняет столько страданий. Родители надеялись и до самой своей смерти ждали, что дочь одумается и вернется в лоно семьи. Ведь тогда таких, как она, не принято было открыто осуждать. Среди их народа еще встречались люди, когда-то соединившие свои души с дуагами, а также дети от смешанных браков. Даже капля аннерийской крови в их венах не позволила бы никому и никогда прогнать их из дома. А сестра так и не вернулась.

По традиции, с пеленок детей учили тому, что истинный аннериец должен иметь холодное сердце и твердый характер. Не научившиеся прятать за маской безразличия свои чувства, всегда становились объектом насмешек в своем окружении. Даже среди своих соплеменников искренне полюбить и связать душу с избранником могли немногие. Для членов королевской семьи – это было и вовсе не допустимо.

С тех пор Антес больше никогда не позволял себе слезы. Ревностно охраняя обычаи своего народа и строго соблюдая

Священный Закон Шайях, – он твердо сидел на троне возроденной Аннерии уже три десятилетия.

Дабы продлить род и следуя чувству долга, строгий, но справедливый, король только в зрелом возрасте принял решение соединить себя узами брака с девушкой из знатной семьи, приближенной ко двору. Королева Мендалиель обладала ослепительной красотой, но не тронула его сердца, не говоря уже про душу.

Только появившееся на склоне лет дитя, долгожданная Джейнаель, своей наивной, детской непосредственностью смогла разбудить глубоко спавшую нежность в сердце стареющего короля. Но он скрывал это ото всех.

Маленькая принцесса была не первым его ребенком. Когда-то у него была еще одна дочь. Аннаель. Лишь первым взмахом густых ресничек она заставила его нарушить данную себе клятву. С первых дней ее жизни он полюбил малышку всей своей душой.

Когда ей исполнился месяц, долг позвал короля покинуть дом на несколько недель. А когда он вернулся, жена, не проронив ни единой слезинки, сообщила ему, что его любимая Аннаель умерла. Слабое тельце младенца оказалось неспособным держать в себе божественную искру. И Аннаель, по вере, давно предана огню.

Отпустив болезненные воспоминания, Антес отложил трубку и позвонил в колокольчик, призывая слугу. Спустя минуту дверь открылась, впуская в комнату коренастого, се-

довласого мужчину в плетеных сандалиях из грубой кожи и голубой тоге.

– Что желает мой король? – спросил он, почтительно склонив голову.

– Принеси мне булочек с вересковым джемом, Танлас. Я не спущусь сегодня к завтраку, – промолвил Антес, устало прикрывая глаза.

Королева Мендалиель длинными шагами мерила свою спальню, судорожно сминая пальцами глубокий вырез темно-синего пеплоса, идеально подчеркивающего женственные формы своей обладательницы. Ее золотистые волосы были красиво убраны в высокую, витиеватую прическу, открывавшую взору изящную шею. В предвкушении чего-то долгожданного и от этого такого волнующего, на гладком, белоснежном лице ее, еще не тронутом временем, горным хрусталем сверкали ярко-голубые глаза.

– Что ты там копаешься, Нариель?! – гневно воскликнула она, обращаясь к замешкавшейся служанке. – Подай быстрее мою вуаль!

Несмотря на совершенные черты лица, королева не отличалась мягким характером. Слуги боялись ее гнева, как огня.

– Я не могу больше ждать ни минуты!

Ясный взгляд королевы стремительно темнел, предвещая Нариель хорошую взбучку, если она не поторопится. Будучи личной горничной Мендалиель на протяжении многих лет,

она своей спиной частенько ощущала на себе всю силу ее жестокого нрава. Наконец, отыскав в глубине платяного шкафа заветную полоску прозрачной, воздушной ткани, служанка со вздохом облегчения подала ее королеве.

– Король выходил сегодня из своих покоев? – чуть понизив голос, спросила ее Мендалиель.

– Нет, госпожа, – ответила Нарияль тихо.

Удовлетворительно улыбнувшись, королева с нетерпением направилась в большой, тенистый самшитовый сад, расположенный позади дворца. Мендалиель знала, если супруг не появился в тронном зале с первыми лучами, то сегодня не покинет свои покои вовсе. Годы брали свое. Большую часть времени он теперь проводил в уединении, и сей факт, как нельзя кстати, играл ей на руку, делая для нее это чудесное утро еще прекраснее. Всей своей черной душой она ощущала, что старый друг несет ей благие вести издалека.

«Скоро мы навсегда вернем себе то, что было украдено у нас! Не силой, а хитростью уничтожим проклятых зеленоглазых тварей», – злорадно ухмылялась про себя королева, спеша на встречу со своим тайным лазутчиком. – «Я исполню данное себе когда-то давно обещание. Принесенное в жертву дитя – ничто по сравнению с наградой, которая ждет мой народ в конце этих вынужденных лет бесчестья!»

Со временем потерявший бдительность король Антес даже не подозревал, какой хитроумный план много лет приводила в действие его собственная жена, с радостью вскармли-

вая в себе черную проказу, безраздельно завладевшую ею. На другом конце света и дуаги не ведали, отчего из года в год их мать всего Сущего, великая Сайя лишает детей своего божественного благословения, все чаще оставляя их бездушными. Но прекрасно понимали, что рано или поздно их жестокие сердца могут ввергнуть мир в пучину хаоса, истребляя все живое на своем пути.

Свернув с грунтовой дорожки вглубь вечно зеленого сада, Мендалиель увидела невысокого человека, ожидавшего ее прихода за мясистой листвой молодого дерева, близ червоточины. Черный, как сажа, плащ с накинутым на голову капюшоном полностью скрывал его лицо от ненужных глаз. Лишь видневшаяся из-под полога плаща рукоять меча, украшенная кроваво-красной россыпью драгоценных камней, говорила о том, что его хозяин не простолюдин. Подойдя вплотную к мужчине и пропустив слова приветствия, Мендалиель задала так давно терзавший ее вопрос:

– Мальчишка оправдывает наши ожидания?

– Юноша только что познал вкус предательства, моя госпожа, – ответил лазутчик.

– Неужели? – не скрывая злорадства в голосе, промолвила Мендалиель. – План побега с треском провалился, насколько я полагаю? Ну-ну, милый мальчик, умереть ты еще успеешь, но не раньше своего глупого папаша.

– Ему не занять трон без божественной искры, моя королева. Вейн может передать это право второму сыну, – с тре-

вогой в голосе произнес мужчина.

– Нет повода для переживаний. Ненависть скоро окончательно пропитает не знавшие жалости разум и сердце и обесценит саму жизнь в глазах Данталиана. Он не отдаст корону никому. А мы, как добрые друзья, поможем мальчику в его сражении и не позволим несправедливости случиться. Пачкать руки их проклятой кровью не пристало мне – королеве. Он сделает все сам, – ехидно заключила Мендалиель.

– Есть еще кое-что, моя госпожа, – прошептал мужчина, наклонившись к ее уху. – Королева Мойра задумала соединить его узами брака с девушкой из земель Глии. Она надеется, что девчонка сможет вернуть его «потерянную» душу в праздник Возрождения жизни.

– Что ж, хорошая попытка, но бесполезная. Ему ее уже никто не вернет.

– Но девчонка может наполнить его пустоту своей душой. И что нам делать тогда?

– Видишь этот цветок ладоги, мой друг? – спросила Мендалиель шепотом.

Собеседник утвердительно кивнул, а королева в задумчивости подошла к раскидистому кусту, усыпанному мелкими, благоухающими, желтыми бутонами.

– Только усилиями заботливого садовника этот куст сможет отдать свои плоды земле, которая взрастит его продолжение. Все, кроме этого... – Мендалиель сорвала один из них, смяв нежный цветок в руке, и бросила раненые лепест-

ки себе под ноги.

– Я – теперь садовник в саду душ королевы Мойры! В нем нет достойных жизни! – бросила злые слова аннерийка и сдернула с белоснежной шеи удивительной красоты тоненькую серебряную цепочку с подвеской в виде капли воды и черной жемчужиной внутри. А затем вложила ее в руку лазутчика.

– Когда увидишь девчонку, сделай так, чтобы она носила это не снимая. Она лишь приблизит позорный конец Дуаг! Я прославлю ее на века.

– Да, моя госпожа, – ответил мужчина в черном плаще и скрылся в темных зарослях.

Мендалиель же, приняв личину доброй матери и благоверной супруги, направилась в трапезную, где уже подавали завтрак.

Глава 11

Золотая стрелка настенных часов как-то по-особенному медленно сегодня отсчитывала минуты, заставляя короля Вейна Руасу томиться в долгом ожидании. Вот уже битый час он дожидался своего старшего сына, чтобы прочитать уже ставшую для него ежедневной обыденностью лекцию о недостойном принца поведении. К сожалению, нравоучения королевы-матери Данталиан пропускал мимо ушей, оставляя ее просьбы без внимания, а Галариан не достаивался

даже взгляда его карих глаз. И только он, как отец, мог еще хоть как-то влиять на сына.

Со дня его несостоявшегося побега прошло несколько недель, но обида Данте не сошла на нет, как предполагал и надеялся Вейн Руасу. Наоборот, только крепла, отстраняя первого принца все дальше от семьи. Юноша все реже появлялся на глаза, предпочитая проводить время вне стен замка с такими же, как он, – бездушными, бесцельно слоняясь по столице и не брезгуя самыми злачными ее местами.

Вейн Руасу шершавой рукой потер чуть впалые глазницы. Все чаще сын занимал его мысли. Вейну казалось, что он что-то упускает из виду. То, что лежит на поверхности, но он почему-то упорно этого не замечает. Король не верил в случайности. Он проводил прямую связь с тем, что происходит с Данте, и тем, что Дуаг медленно, но верно погружается во мрак. И он – король, ничего не мог с этим поделать. Почему некогда процветающее королевство, пятьдесят лет не знавшее грабежей и насилия, так стремительно скатывается в пучину беззакония? Почему богиня Сайя отвернулась от его народа? Где он допустил ошибку и за что сейчас расплачивается? Вопросы, вопросы, вопросы... и ни одного ответа.

До этого скептически относившийся к попыткам жены выпросить у Сайи благословение, он теперь так же, как Мойра, ухватился за последнюю надежду – обручить сына с леди Фрейей в день Возрождения жизни, провести новый обряд и, может быть тогда, в глазах Данте появится зеленый

огонь. Это бы вернуло стремительно тающее доверие народа и укрепило власть короля. И он исполнит задуманное, даже если придется сковать Данталиана и с кляпом во рту тащить в рощу Истин.

Внезапно тяжелая дверь распахнулась, впуская внутрь сумрачного помещения небрежно одетого юношу.

«Сын даже не удосужился привести себя в порядок после вчерашней попойки», – разочарованно про себя отметил его помятый внешний вид Вейн Руасу.

Король поморщился, как от зубной боли. Вся жизнь наследного принца превратилась в нескончаемый, пьяный праздник, и если так пойдет дальше, то он потеряет сына на красном дне кубка намного раньше, чем это сделает бездушная жестокость. Мысль о том, что, возможно, Данте делает это с собственным телом намеренно, приносили невыносимые страдания его отеческому сердцу.

– Ты желал меня видеть, отец? – обыденным тоном спросил Данталиан и мешковато развалился в одиноко стоящем кресле посреди скупо обставленной комнаты, служившей королю кабинетом. Вейн Руасу пристально посмотрел на сына.

– Знаешь, сынок, я не стану обсуждать с тобой сегодня твое поведение. Мне надоело. Не скрою, больно признавать тщетность своих попыток разбудить в тебе благоразумие. Признаю, что это бессмысленно.

– Какая неожиданность! – удивленно приподняв брови, бросил Данте. – О чем же ты желаешь мне поведать? Может

открыть мне великую тайну о смысле моего существования?

Король грустно улыбнулся.

– Прибереги свои остроумные речи для друзей. Ты – мой первый сын, Данталиан, и я люблю тебя, несмотря ни на что. Ты умный мальчик и, я уверен, хорошо осознаешь то, что после моей смерти бремя власти должно перейти в твои руки. Прими достойно уготованное тебе судьбой и впусти леди Фрейю в свое сердце. Иного пути нет ни для тебя, ни для нас, а тот, по которому ты следуешь сейчас, ведет к неминуемой гибели всего Дуаг. Прости Галариана, он не желал тебе зла. Любой любящий брат на его месте поступил бы также. Не злись на мать – она, не задумываясь, отдаст за тебя свою жизнь. Ты знаешь это. Не можешь этого не знать! Благостояние народа важнее твоего уязвленного самолюбия. Ты будешь хорошим правителем. Ведь у тебя от природы доброе сердце. Лелеять детские обиды недостойно будущего короля. Умерь гордость и примиришься с братом. Я не жду от тебя ответа, а лишь прошу осмыслить только что сказанное мною. Признаю, мы с матерью были не вправе принимать за тебя решение и, если леди Фрейя не приглянется тебе, ты вправе сам выбрать понравившуюся тебе девушку.

Данталиан молчал, обдумывая только что услышанное из уст отца. Осознавал ли Вейн Руасу, что только что преподнес своему сыну поистине королевский подарок? Скорее всего, да. И дело тут было совсем не в спутнице жизни. Впервые отец подарил ему право выбора, которое юноша не имел ни-

когда. И это наполнило его сердце тихой радостью. Отец доверяет ему.

Данте решил задать только один вопрос. Твердым голосом он спросил:

– Я смогу сам выбрать девушку, отец?

– Сам. Даю слово, сын.

– Пусть будет так, – примирительно ответил Данталиан.

Невероятное облегчение почувствовал Вейн Руасу, наконец, одержав победу в этом незримом противостоянии с собственным сыном. Если семейство Гватем Крист не удовлетворит придиричивый вкус его сына, то в королевстве есть еще двенадцать подходящих родов, чтобы сделать это.

– Что-то темное и страшное надвигается на нас, сынок. Я уверен, богиня наполняет душами наши земли отчасти не спроста. Я предчувствую великие испытания. Ты должен стать мудрее и сильнее, чтобы избавить свой народ от душевной пустоты. Вернуть мир и покой в Дуаг. В тебе я вижу свое продолжение и надеюсь на тебя.

С этими словами Вейн Руасу встал с обитого красным бархатом кресла, тяжелой поступью обошел деревянный резной стол и вышел из кабинета. Аудиенция была закончена.

Королева-мать так и осталась в неведении, что же такого сказал первому принцу муж, от чего практически неуправляемый юноша в одночасье превратился в примерного сына и брата.

Жизнь в замке потекла своим чередом, теперь редко бу-

дорожа его обитателей незначительными происшествиями.

Глава 12

Айвен проснулась на рассвете, но подниматься с жесткого тюфяка, служившего ей постелью в небольшой нише в стене, не хотелось. Высунув из-под стеганого одеяла маленький носик, девушка с грустью посмотрела на давно потухший очаг. В продуваемой всеми ветрами захудалой хижине гулял колючий сквозняк, а на стекле единственного окошка мороз за ночь нарисовал затейливые узоры. Она печально вздохнула, выпуская из легких тоненькую струйку пара.

«Все-таки нужно явить себя миру, не видевшему меня уже несколько дней», – подумала она. – «Необходимо пополнить запасы хвороста, иначе я ненароком отморожу себе что-нибудь, да и желудок давно протестующе урчит от голода».

Невеселые мысли о судьбе Иериель все еще занимали голову, но предаваться унынию весь предстоящий день она не могла себе позволить. Умыв лицо и шею ледяной водой, она тщательно заплела волосы в толстую косу, опоясала ее алой ленточкой, запахнулась своим стареньким коричневым плащом и вышла из дома. Свежий, морозный воздух быстро взбодрил тело, подняв настроение и прогнав упаднический настрой. Валяные шерстяные башмачки утопали в пушистом снегу, и двигаться было тяжело, но она с упорством первопроходца шла вглубь леса – к густому ельнику. Как-

будто приветствуя после долгой разлуки любимую подружку, где-то в кронах высоких деревьев веселой трелью заливалась быстрокрылая чеминка, рассказывая Айвен последние новости леса на своем птичьем языке.

– Чудесное утро! – воскликнула девушка и принялась усердно собирать из-под снежной насыпи сухие ветки. Набрав хворост в вязанку, она оставила его на видном месте, решив спуститься к лесному озеру, спрятанному прямо за мохнатыми еловыми лапами в нескольких шагах от нее. В некоторых местах лед на озере не успел покрыть воду толстым слоем, и она с легкостью сможет прорубить в нем небольшую лунку. Еще в детстве Иериель научила ее ловить рыбу весьма необычным способом, и у нее это неплохо получалось. С мастерством заядлого рыбака она достала маленький топорик из-за пояса, который заблаговременно захватила с собой, сорвала тонкую веточку с ближайшего дерева и уверенно ступила на лед. Он глухо затрещал под ногами, выказывая ей свое недовольство. Не придав этому значения, Айвен смело пошла от берега к середине водоема. Найдя, по ее мнению, подходящее место, она рукавицами расчистила белый налёт и принялась за работу.

«Нэй наверняка способен растопить этот лед одной лишь своей улыбкой, тогда как мне приходится махать топором. Небось и рыба при виде него сама плывет в руки», – вспомнила нового знакомого девушка и, глубоко вздохнув, принялась рубить лед с удвоенной силой.

Айвен искренне полагала, что природа допустила несправедливость, наградив этого мужчину такой притягательной, завораживающей красотой, тогда как ей – девушке, подарила неприметную, весьма посредственную внешность. Красавицей она себя не считала. Слишком худая. Ветер легко сбивал ее с ног в непогоду, да и полупрозрачная кожа болезненно краснела под летними лучами Амираана очень быстро.

«Зато смекалки мне не занимать», – довольно думала она. – «Может природа и обделила меня женственностью, но с лихвой компенсировала этот недостаток умом».

Изрядно попотев, Айвен отложила в сторону топорик. Прорубь была готова. Она выскребла из внутреннего кармана накидки хлебные крошки и бросила их в лунку, попутно колыхая воду тонким прутиком. Результат не заставил себя долго ждать. То ли почуяв приманку, то ли услышав всплески на открытой воде, под самой поверхностью блеснула серебристая чешуя, и Айвен, предвкушая богатый улов, резко отбросила прутик в сторону и погрузила обе ладошки в лунку. Она почти ухватила заветную добычу за жабры, как внезапно лед под ее коленками гулко застонал и провалился, погружая девушку в ледяную воду с головой. Одежда моментально намочла и тяжелым камнем потянула ее ко дну. В панике, барахтаясь, она судорожно пыталась ухватиться за край твердой поверхности, но, ничего не получалось – хрупкий лед крошился под ее пальцами. Жгучий холод сковал тело, и Айвен стремительно теряла веру на спасение. От бес-

силия слезы выкатились из глаз, тут же замерзнув на щеках мелкими, белыми жемчужинами. Ждать помощи в этой лесной глуши было неоткуда. Совсем не так она представляла себе свой конец. Собрав последнюю волю в кулак, девушка мужественно продолжала цепляться за кромку тонкого льда, пока силы окончательно не покинули ее.

– Нэй... – было последним, что успела прошептать окочевшими губами Айвен, прежде чем окончательно утонуть в этих холодных озерных водах.

Жнец не видел девушку несколько дней. Она почему-то не хотела покидать стены своего дома, а он, чтобы не выглядеть навязчивым, не решался первым постучать в ее дверь и терпеливо ждал, когда же подвернется случай, чтобы снова, как бы по чистой случайности, встретить ее в лесу. Стыдно было признаваться, но он, как влюбленный мальчишка, буквально жаждал увидеть Айвен. Ему стало до отчаянья мало находиться просто рядом. Хотелось лицезреть ее постоянно, прикасаться к ней, внимать каждому ее слову.

Вдруг его дремлющее сознание, словно острым кинжалом, прорезал тихий, кроткий призыв. Она звала его. Сама. Но бешеную радость от этого быстро сменил всепоглощающий, дикий страх. Не его, а Айвен!

«Неразумная, самоуверенная девчонка!» – кричала его триединая сущность, облачая себя в телесную оболочку.

Айвен несомненно бы удивилась, узнай она, что не сильно ошибалась в своих размышлениях о Нэйланде. Он мог

заставить таять льды, но не силой своей улыбки. Он в мгновение ока мог иссушить воду, стереть камень в порошок и истребить все живое на своем пути, едва подумав об этом. Одного не мог Жнец – оживить бездыханное тело.

Появившись в долю секунды, Нэй успел схватить Айвен за руку и вытащить из глубины зимнего озера прежде, чем ее легкие окончательно заполнились водой. Одним рывком он снял с себя меховой плащ и бережно завернул в него девушку, прекрасно осознавая, что даже минута его промедления способна погасить едва теплящуюся жизнь в этом хрупком теле. Бережно взяв ее на руки, он представил ее хижину и силой сознания перенес обоих под крышу дома.

Опасность миновала, но сердце отказывалось успокаиваться и продолжало неистово колотиться в груди, пуская тревожную рябь по струнам души. Щелчком пальцев он наполнил комнату горячим воздухом и снял с девушки мокрую одежду, оставляя на ней лишь влажную, тонкую сорочку, и снова укрыл ее своей теплой накидкой. Девушка не приходила в себя уже больше часа, и это не оставляло сомнений в том, что переохлажденное тело ответит лихорадкой на пережитый шок. Он останется рядом с Айвен, пока она полностью не оправится, твердо решил Нэйланд.

Айвен разбудил какой-то незнакомый, остро-сладкий аромат, витающий в воздухе. Силясь открыть глаза, она так и не смогла даже немного приподнять опухшие веки. В затуманенной голове больно пульсировало, но она четко осознава-

ла, что находится в своей постели, а в печи, объятые языками пламени, весело потрескивают сухие дрова, даря воздуху приятное тепло. Внезапно ощутив рядом чужое присутствие, она испуганно прошептала:

– К.., кт.., кто здесь?

– Тише, не трать силы на разговоры, милая. Ты сильно пострадала. Холодная вода навредила телу и ему нужно время, чтобы восстановиться, – услышала она обволакивающий заботой, мягкий мужской голос.

– Нэй... Нэй, – безошибочно определила владельца Айвен. – Нэй, – тихо позвала девушка, снова проваливаясь в глубокую яму беспокойного, но такого нужного, исцеляющего сна.

Глава 13

Все внутренне убранство этого, более чем скромного, обиталища, вмещало в себя большой, грубо сколоченный, деревянный стол, два стула и высокий ящик, отдаленно напоминающий комод. В правом углу возвышалась выложенная из обтесанного камня большая печь, занимающая почти полкомнаты. На узких полочках, тянувшихся вдоль стен, стояли многочисленные берестяные баночки, заполненные какими-то сухими травами, корешками и ягодами. Из маленького, круглого окошка вглубь хижины проникал тусклый свет, почти все время оставляя ее хозяйку в полутьме.

Искусно сплетенные циновки, полностью покрывающие земляной пол, видимо, были призваны сохранять тепло в этом доме, но Нэйланд был уверен, что они совсем не справились с возложенной на них задачей. Немного левее печи, в стене, располагалась небольшая ниша, служившая Айвен местом для сна.

Убогость открывшейся его взору картины шла вразрез с его представлением о том, как жила девушка все это время. Им с Иериель явно приходилось несладко. Он искренне недоумевал, каким образом старая карга смогла вырастить столь нежное создание в этих полуразвалившихся стенах. Взгляд его фиолетовых глаз невольно задержался на хрупкой фигуре, метавшейся в лихорадке в нескольких шагах от него. Тугая коса растрепалась, но светлые волосы даже сейчас так красиво обрамляли лицо Айвен, что он невольно залюбовался их сказочным золотым блеском. Она и вправду была чужой для этих суровых мест.

«Это не ее дом. Почему она здесь?» – вопрошал Нэйланд, неслышно перемещаясь к девушке ближе.

У ее изголовья он заметил небольшой рисунок, изображавший цветущий пейзаж. Обласканные теплыми лучами, диковинные цветы на нем совершенно точно никогда не знали холода и снега. Краски на картине давно выцвели, но все еще передавали красоту воссозданного талантливым художником райского места. Аннерия.

«Именно там должна была вырасти Айвен», – подумал

Нэйланд и легонько присел на краешек тюфяка.

С маленькими бисеринками пота на раскрасневшихся от жара щеках, она все равно казалась ему прекрасней всех смертных, мистерийских женщин, когда-либо видимых им ранее. Он плотнее подоткнул к ее телу края импровизированного одеяла. Почему-то ему доставляло огромное удовольствие видеть девушку, укутанную в принадлежащую ему вещь. Дыхание ее постепенно выровнялось. Грудь размеренно вздымалась и опускалась, безмолвно свидетельствуя, что лихорадка отступает. Его обуревали странные и абсолютно новые чувства, которым он не знал названия. Теперь хотелось не просто бесконечно смотреть на нее, а то, о чем даже было крамольно мечтать! Жнец всматривался в Айвен взглядом, навсегда запечатлевая в памяти каждую черточку и каждый плавный изгиб ее, еще по-детски кукольного лица.

«Я не потревожу ее сон, если прикоснусь к ней... Очень быстро. Она даже не почувствует моего проникновения», – говорил себе Нэйланд, не в силах сдержать порыва своей души и торопливо срывая тонкие перчатки с изящных рук.

«Одно прикосновение не навредит ей», – продолжал твердить себе Жнец, уступивший нестерпимому желанию почувствовать мягкость ее полных губ под подушечками своих длинных пальцев.

– Подобны лепесткам... – благоговейно прошептал Нэйланд, нежным касанием опускаясь от мягких, розовых створок ниже, по шелковистой коже шеи, и плавно перемещаясь

к ключице, пока не спустился по хрупкому предплечью до ее распахнутой, горячей ладони. Души в ней были сейчас полностью открыты и беззащитны перед его цепким взглядом. А ему хотелось лишь держать руку девушки в своей – такое невероятное наслаждение дарило ему сияние Эйи.

Больше не имело смысла отрицать, что вовсе не праздное любопытство тянуло его к ней с момента, когда он впервые увидел ее. Совершенно фантастическая, непохожая ни на кого и рожденная в чужом первоисточнике далекого Творца, – она, сама того не осознавая, превратила саму «Смерть» в свою самую ярую поклонницу. Он проиграл без боя. Человеческая душа подчинила его своим внутренним светом, не встретив даже самого слабого сопротивления.

Развернув тыльной стороной ее ладонь, он с наслаждением поцеловал ее кожу, и в это мгновение как-будто тысячи ярких, мелких огней пурпурным фейерверком вспыхнули в его душе. Не встречая препятствий на своем пути, Эйя проникла в ее сердцевину. Он не позволил, а умоляюще попросил ее сделать это, сгорая от непозволительного ему чувства – безраздельно быть вместе. Без тени сожаления он отдал ей частицу себя. Теперь он всегда будет знать, где находится Эйя, чтобы оберегать ее от любой опасности. Пусть даже от самого себя.

Не в силах заставить себя остановиться, он целовал каждый пальчик на ее руке, упиваясь сладкими, чистейшими эмоциями абсолютного счастья. Ему ничего не стоило сей-

час увидеть сознанием так заботливо охраняемую, новорожденную дуагскую душу и прочесть уготованную Антигоном ей судьбу, но Нэйланд не хотел тревожить девушку, разорвав своим вмешательством оковы сна. Эйя доверилась ему, но та, другая, живущая в Айвен, боялась и противилась его прикосновениям. Сломав ее слабую защиту сейчас, он непременно ранит обеих.

Нехотя отпустив руку девушки, Нэйланд отстранился и глубоко вздохнул. Он дождетя момента, когда она откроется ему сама. И когда он вернет заблудившуюся душу в предназначенное для нее тело, докажет Эйе, что даже жестокий палач достоин ее любви.

А пока не мешало бы подкинуть дров в догорающий огонь. С приходом ночи похолодало, и тепло покидало до неприличия дырявые границы избушки очень быстро.

Он не чувствовал холода, как и изнуряющая жара была ему не страшна. Этому телу не требовались вода и пища, чтобы поддерживать жизнь. Созданное его сознанием, оно жило по пока неизвестным простым смертным законам мироздания. Но телесная оболочка Айвен требовала заботы.

Целебный отвар, испускавший ароматный дымок из подвешенного над очагом котелка, быстро вернет ей силы. Он не собирался пользоваться при ней в полной мере своими возможностями. Как и не следовало пока раскрывать свою сущность, ведь это однозначно испугает ее наивное, доверчивое сердечко. Она никогда не знала жизни вне этого дома,

не говоря уже о тайнах, которые хранила эта небольшая планета. До рассвета было еще очень далеко, и Нэйланд решил ненадолго покинуть свое сокровище. Карас, его верная Тень, уже долгое время не приносил новостей.

Глава 14

Ограниченные рамками финитного мировосприятия, люди находились на заре своего развития и были еще не способны постигнуть истин всеобъемлющей полноты происходящего вокруг, облачая силы природы в знакомую для них форму. Многочисленные потоки энергии окутывали густой паутиной всю планету и рождали жизнь не только в ее пределах. Ею была пронизана вся Вселенная.

Дуаги представляли ее в образе доброй богини Сайи – матери всего Сущего, тогда как аннерийцы в своих умах создали жестокого, но справедливого бога Ансельма, с мечом в руке управляющего судьбами своих подданных. Эти представления были далеки от реальности.

Планету Мист защищали четыре ее «ребенка»: Хрисанф Рувим – первый хранитель, Зодчий и Вдыхающий жизнь; Нэйланд Мор-Тант – второй хранитель, Жнец смерти и Собиратель душ; Антигон Гай – третий хранитель, Вершитель судеб и Владыка кармы; Бамако Инлос – четвертый хранитель, Проводник душ в мир Праха и Безмолвный создатель. Все они были руахами – духами планеты – ее «двигающей»

системой», обладали душой, сознанием и разумом и находились на последней ступени вселенской иерархии. Выше стояли только Творцы – основа Мироздания в этой, самой начальной, мерности. Их было семь, и эти арбитры держали мерность в гармонии. Абсолют, организующий глобальный порядок. Рождающее начало, которое через материю посредством своих частиц – душ – познает себя, или, проще говоря, живет. Они были порождением другой – следующей по порядку, Вселенной, и кто их Творец – никто не знал.

Дом руахов – храм Судеб представлял собой глубокую пещеру, расположенную в жерле давно потухшего вулкана. В самом центре ее, пронизывая недра, бурным фонтаном била энергия Мист, в потоках унося ввысь информацию о пережитом опыте всех населяющих ее существ. Там, в космосе, она сливается с энергией других планет, образуя единое информационное пространство, в котором круговертью взаимодействуют между собой все живые и неживые элементы в матричных и нематричных мирах. Последние были также редки, как и Эйя. Парадоксально, но мало кто из душ – созданий Творцов, действительно хотел «учиться», а в человеческих сосудах они подавляющим большинством тянулись в хвосте самых отъявленных «школьных отщепенцев».

Пока Мист принимала к себе на воспитание только молодые души: новорожденные или прожившие несколько судеб, и только от двух Творцов, потому что сама была достаточно молодой. Ее дети – «няньки яслей», тщательно контролиро-

вали незатейливый учебный процесс.

Все Гаи в любом матричном мире обязаны были оставлять в судьбах душ небольшой кусочек для творчества в качестве «сочинения на свободную тему». Всего на одну страничку, но даже в этот краткосрочный период некоторые умудрялись натворить такое, что разгрести после них приходилось всем руахам. И Мист не была исключением. Карас был тому уже неживым доказательством. А вот когда она станет достаточно опытной и посчитает себя готовой организовать у себя «старшую школу» – вот тогда здесь начнется полнейшее «веселье» или, как однажды выразился один знакомый Жнецу Мор-Тант из более старого мира – «дичь». Нэйланду, по большому счету, было на это наплевать. Бамако Инлос и Хрисанф Рувим – вот, кому действительно стоило переживать и готовиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.